

Гайда

Алёна-Амурская

The image is a book cover. In the foreground, a woman with long, straight brown hair and light blue eyes looks directly at the camera. She is wearing a light blue tank top and a pearl earring. In the background, a man with short brown hair and a light beard looks off to the side. He is wearing a dark blue button-down shirt. The background is a blurred indoor setting.

ЛЮБОВЬ ПРЕДАТЕЛЯ

Алёна Амурская

Гайдэ -

Любовь предателя

<https://litres.ru/74221218>

Аннотация

♥# Как же много жен живет с иллюзией, будто хорошо знают любимого мужа! Я тоже оказалась из таких. Только вышла на позднем сроке в декрет, как застала своего с секретаршей.

- Даша, нет, - зверем хрипит он. - Как ты здесь..? Только не ты... Даша!!!

Онемев, молчу. А затем, глядя на мужа больными от ужаса глазами, начинаю отступать. Всё быстрее и быстрее.

- Это ничего для меня не значит! Есть только ты, маленькая. Завтра поедem на море и забудем обо всем!

- Засунь своё море знаешь куда?! - чувствую, что задыхаюсь. - Ты нас предал, Влад! Ты... нас... предал!

Боже, помоги мне. Боже мой...

Разворачиваюсь. Неуклюже бреду прочь, прижимая руки к своему тяжелому восьмимесячному животу. И невыносимо горькие рыдания сжимают горло с осознанием: это конец!

Декрет стал моим личным адом.

2 часть.

Содержание

Любовь предателя	4
Глава 1. С кляксой на чистом листе	6
Глава 2. Вскрытие сейфа	11
Глава 3. Рухнувшая крыша	17
Глава 4. Маленький личный катарсис	23
Глава 5. Сюрприз в сундуке	29
Глава 6. Решала Председателя	36
Глава 7. Эхо потерянного счастья	43
Глава 8. Я и лошадь, я и бык...	50
Глава 9. Самый темный час перед рассветом	55
Глава 10. Путеводная нить	59
Глава 11. Слово теще	65
Глава 12. Незванная гостья	73
Глава 13. Босс свинофермы	79
Глава 14. Вирус мужского внимания	86
Глава 15. Дежавю	94
Глава 16. Хахаль-тайм	99
Глава 17. Похоть агрессора	106
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Любовь предателя

Это вторая часть диалоги.

*Первую часть «Прощай, предатель!» читайте
на странице автора*

или по ссылке:

<https://litnet.com/shrt/PVo7>

Как же много жен живет с иллюзией, будто хорошо знают любимого мужа!

Я тоже оказалась из таких.

Только вышла на позднем сроке в декрет, как застала своего с секретаршей.

- Даша, нет, - зверем хрипит он. - Как ты здесь..? Только не ты... Даша!!!

Онемев, молчу. А затем, глядя на мужа большими от ужаса глазами, начинаю отступать. Всё быстрее и быстрее.

- Это ничего для меня не значит! Есть только ты, маленькая. Завтра поедem на море и забудем обо всем!

- Засунь своё море знаешь куда?! - чувствую, что задыхаюсь. - Ты нас предал, Влад! Ты... нас... предал!

Боже, помоги мне. Боже мой...

Разворачиваюсь. Неуклюже бреду прочь, прижимая руки к своему тяжелому восьмимесячному животу. И невыносимо горькие рыдания сжимают горло с осознанием: это конец!

Декрет стал моим личным адом.

#####

Глава 1. С кляксой на чистом листе

Даша

Старенький бабушкин дом встречает нас наглухо закрытыми ставнями и сильно заросшим палисадником. Сейчас, пока стоят холода, это не так заметно, но летом здесь наверняка буйствует сплошной бурьян, репейник и крапива в человеческий рост.

А ведь когда-то я лакобилась тут в детстве спелой малиной, сочной вишней и сладкой черной смородиной...

И всё же, несмотря на внешнюю заброшенность, за домом явно кто-то присматривает. Об этом свидетельствует и крепкий забор с несколькими свежими досками на прогнивших местах, и слабо протоптанная дорожка через ворота.

Я стою перед калиткой возле груды багажа со спящим на руках сыном. Машинально покачиваю его, с наслаждением вдыхая чистый деревенский воздух. Такой приятный и живой, прямо как в детстве! Пахнет влажной прелой соломой и немного сухим коровьим навозом.

- Сейчас к соседу Лукичу загляну, - говорит баба Люся, глядя на соседний бревенчатый дом. - У него ключи должны быть.

- Хорошо, я вон там подожду, - киваю на кучу старых бревен напротив административного здания с покосившейся вывеской «почта» на фасаде.

Две старушки в блеклых платках и теплых фуфайках, которые всё это время без стеснения наблюдали за нашим появлением, принимаются шушукать о чем-то между собой с удвоенной силой.

Я поглядываю на них с философским любопытством.

Деревенские бабушки не так уж сильно отличаются от городских в плане любви к сплетням, но смотреть на них намного интереснее. Они кажутся такими колоритными в своей естественности, что невольно вызывают умиление. Пожалуй, если бы они завели со мной разговор, я бы даже с удовольствием пообщалась с ними.

Впрочем, даже если у них подобные планы и были, то они не сбываются из-за скрипучей доски в хлипкой ограде за почтой. Она отодвигается в сторону, и прямо из дыры задом наперед выбирается сухощавый высокий пожилой мужик в драном плаще и кирзовых сапогах. К груди он бережно прижимает стеклянную трехлитровую банку с подозрительно прозрачным содержимым.

При виде меня, восседающей на бревнах со спящим ребенком, мужик с неожиданной галантностью отвешивает глубокий пьяный поклон.

- Здрас-с-сте... ик!.. барышня... - затем, посопев своим когда-то красивым орлиным, а ныне прожилисто-сизым носом, предлагает: - Домашней самогоночки отведать не желаете-с?..

- Да ты что, Кондрат, дурень старый, совсем очумел?! -

возмущенно ахает старушка побойчее на всю улицу. - Не видишь, что ли, мамочка она молодая! Нельзя ей!

- Так что ж, раз родила, так не человек, что ли..? Я ж от чистого сердца! - чешет тот в затылке и неожиданно подмигивает мне. - Глядишь, и повеселела бы, а то мордашка больно грустная. Хорошо хоть не кислая, как у другой приезжей... как там ее бишь зовут-то, дай Бог памяти... э-э... Нонночки, во!

Это имя звучит в моих ушах своим двойным протяжным «н-но-о», как развратное страстное постанывание. А следом перед глазами моментально возникает копна длинных белокурых волос, которая покачивается вверх и вниз в такт движениям девицы, стоящей на коленях перед расстегнутой ширинкой моего мужа.

Я стискиваю зубы и силой воли отгоняю проклятое воспоминание.

Неужели мне теперь в этом имени всегда будет мерещиться бывшая секретарша предателя Владана?

Сизоносый Кондратий плюхается на бревно рядом и рассматривает меня с ног до головы с простодушной непосредственностью типичного деревенского рубахи-парня.

- Ты из города явилась, это видно. Чьей родственницей будешь?.. - косится он на бабушкин дом. - Не покойной ли Елены, учительки бывшей?

- Да, это моя бабушка.

- Добрая новость! А то жалко смотреть, как ее хозяйство

хиреет год за годом. Лукич один не справляется, стар уже он, инвалид. А как тебя звать-величать?

- Даша.

- Хорошее имя, простонародное, - одобряет он и, поглаживая банку с самогоном, мечтательно вздыхает: - Я в свое время чуть не женился на одной Дарье, но не срослось! Так и живу один... Но, - гордо поднимает указательный палец, - на женское внимание не жалуюсь. Слабый пол меня любит-голубит, так что я еще ого-го! Есть порох в пороховницах, так и знай, Дашка. Но, к слову сказать, я уже почти созрел остепениться, ежели найду подходящую бабу. Чтоб красивая, материально обеспеченная и можно даже с вредным характером.

- Интересные у вас запросы, - невольно улыбаюсь я. - Оригинальные. Обычно мужчины вашего возраста для женитьбы ищут покладистых.

- Что поделать! - разводит руками Кондратий и поспешно перехватывает чуть не упавшую из-за этого банку. - Люблю я гордых женщин с придурью... ик! Очень уж за ними ухаживать увлекательно. Не соскучишься! Есть у тебя такие на примете?

Я сначала машинально качаю головой, а потом вдруг неожиданно для себя сообщаю с невеселым смешком:

- Ну... под ваши запросы разве что свекровь моя подойдет. Ада Адамовна. Она красивая даже для своего возраста и придური у нее хоть отбавляй. Как и денег.

- А годится! - пьяно подмигивает Кондратий. - Замолви за

меня перед ней словечко при случае, ага? Я мужчина в полном расцвете сил, любую работу могу сделать по хозяйству! Хошь докажу? Ты только скажи, чем подсобить надобно!

В первый момент мне становится просто смешно от нетрезвого энтузиазма местного любителя самогона. Но потом я вдруг вспоминаю, что мужская помощь нам с бабой Люсей и правда не помешает.

- Ладно, - соглашаюсь я и вполголоса, чтобы две кумушки-старушки не подслушали, спрашиваю: - А у вас болгарка для резки металла есть?

Глава 2. Вскрытие сейфа

Даша

Сижу на тех же бревнах под взглядами шепчущихся кумушек в ожидании убежавшего за болгаркой алкаша Кондратия.

- Дашуль! - баба Люся возвращается к нашему запертому дому через несколько минут, но не одна, а в компании прихрамывающего худого, седого, как лунь, старика с самодельной шишковатой тростью. - Это Фёдор Лукич, сосед наш, знакомьтесь!

- Да ладно тебе, Люсь, первый раз ее вижу, что ли? - добродушно качает головой. - Помню я Дашутку, когда крохой тут бегала на летних каникулах. Ох и строга к ней была Ленка, сестрица твоя! Учительские замашки второй натурой у нее, помнится, всегда были...

- Ладно, что миновало, то прошло, - суетливо машет рукой баба Люся. - В дом скорее идемте! Надо масштаб работы оценить, чтоб в порядок привести всё. Правда, с инструментом для работы по металлу вот только затык вышел, нет ничего такого в хозяйстве у Лукича...

Спохватившись, я быстро сообщаю:

- Ничего страшного, я уже нашла нам помощника в этом деле!

- Это кого же? - изумляется бабушка, уставившись на ме-

ня. - И когда успела, с Васенькой на ручках-то?

Я открываю рот, чтобы пояснить обстоятельства, но длинная фигура Кондратия уже несется к нам с болгаркой наперевес. Довольно шаткими нетрезвыми зигзагами.

- Эй, Дарья! - орет он зычно с противоположного конца улицы, распугивая гуляющих на обочине кур. - Нашел! Кого резать будем?!

Баба Люся настороженно следит за его приближением, пока две старушки-кумушки возле почты с огромным удовольствием взирают на происходящее и посмеиваются.

- Это еще что за маньяк с прибабахом?

- Да не пужайся так, безобидный он, - хмыкает в седые усы Лукич. - Это Кондрат Худолесов. Сын Славки, который свинофермой когда-то заправлял. Помнишь Славку-то? Его еще за пьянство поперли оттуда, а потом он спился и помер. Так сынуля весь в батю непутевого пошёл. Характером незлобный, только вечно без денег и бухой до изумления! И за бабами приударить не дурак... А насчет болгарки не бойсь, он с инструментом обращаться умеет. Даже с закрытыми глазами справится.

- Уф-ф, аж вспотел! - добегают наконец до нас запыхавшийся Кондратий и упирается в колени, чтобы восстановить дыхание. - Ну чего там сделать-то вам надобно, а, девчонки?

Баба Люся некоторое время изучает его алкоголически опухшую, но полную энтузиазма физиономию, потом сурово кивает головой в сторону нашего рюкзака с сейфом Князева.

- Хватай этот баул и тащи во двор... помощничек! Там все объясним, - понижает она голос и косится на кумушек. - Без лишних глаз.

Крохотная лужайка за калиткой вся поросла жухлой от холода травой вплоть до самых ржавых ворот. Но щеколда на запоре двери хорошо смазана и открывается легко.

Следуя указаниям раскомандовавшейся бабы Люси, наш новый знакомый перетаскивает в маленький дворик не только тяжелый рюкзак, но и все остальные наши вещи. А потом без сил плюхается на толстый чурбан возле прогнившей поленицы.

- Мне б сто грамм щас! За знакомство... а? - с меркантильным интересом рассматривает он наши сумки. - Может, прихватили с собой винишко какое крепленое? Давненько я ничем городским не тешился...

- Обойдешься! - отрезает баба Люся и одним движением расстегивает молнию на рюкзаке. - Вскрывай давай сначала.

При виде его содержимого у Кондратия отвисает челюсть.

- Чего это у вас... ого! Сейф, что ли?

- Он самый, - ворчливым тоном подтверждает баба Люся. - И незачем так смотреть многозначительно, это наше личное имущество! Просто мы код от него забыли, а внутри Дашенькины документы.

- Да я-то его болгаркой вскрою... только как бы документки ваши от искр не загорелись.

- Не должны, - неуверенно говорю я. - Кажется, там внут-

ренный беззамочный ящичек вроде бы установлен, с крышкой. Тоже металлический.

- Тады лады, - пожимает плечами Кондратий. - У матросов нет вопросов!

- Даш, ты пока давай в дом, а то слишком шумно сейчас для Васеньки станет, - кивает баба Люся на моего малыша. - Наш Лукич тебе дверь откроет.

Старый сосед долго гремит внушительной связкой железных ключей, прежде чем находит тот, что от бабушкиного дома.

В сенях пыльно. Пахнет старым деревом и чем-то неуловимо родным и знакомым. Запах моего детства...

Я поднимаюсь по скрипучим ступенькам, прохожу через тесные сени с двумя темными прямоугольниками подсобных помещений слева и справа и оказываюсь перед добротной бревенчатой стеной. Дверь в ней стоит гораздо более массивная, чем на входе в сени, и обита теплым материалом. Она навевает множество детских воспоминаний о том, как я любила сидеть тут на толстом вязаном половичке и слушать, как пищат мыши в чулане... как урчит бабушкин кот-крысолов... и как завывает ветер на чердаке в непогоду...

Господи, как же давно это было!

- Ты чего тут застыла, давай в дом, - кряхтит за спиной Лукич, и я дергаю ручку на себя.

Внутри ничего не изменилось. Слева грязно-белая печка, справа кухня. Впереди - за деревянной перегородкой, не до-

стигающей потолка, - большой зал, из которого можно попасть во вторую отдельную комнату - спальню.

- Если хочешь прилечь и отдохнуть с ребенком, там в ящике белье чистое лежит, - тыкает сосед пальцем в устаревший низенький комод. - Нафталином, правда, пахнет... но не очень сильно. Терпимо.

- Спасибо, Фёдор Лукич. Так и сделаю.

Маленький Вася так и продолжает спать, но у меня уже руки устали его держать. Быстренько стелю ему на продавленную кровать с железной сеткой выцветшую, но чистую простыню из бабушкиных запасов. Малыш даже не просыпается, только мусолит у рта свой крошечный пухлый кулачок.

Несколько минут сижу рядом, любуясь на него, и рассеянно прислушиваюсь к визгу болгарки во дворе. Повезло, что толстые стены дома из тяжелого цельного бревна хорошо глушат уличные звуки. Звук вскрываемого сейфа - ужас какой неприятный.

Где-то в зале равномерно тикают часы. Пасмурный свет за двойной рамой окна уже померк в преддверии заката. Или это из-за того, что стекло такое грязное?

Подхожу к нему, присматриваясь... а потом вдруг замечаю высокую черную фигуру за окном. Какой-то высокий плечистый мужчина в кожанке стоит перед нашим домом и курит, что-то внимательно разглядывая. Затем швыряет окурок на землю и с возмущительной наглостью открывает калитку небрежным пинком ноги.

Глава 3. Рухнувшая крыша

Князь

Дашка...

Она ушла и забрала сына. Бросила меня...

И теперь дышать так тяжело, как будто легкие испытывают реальную нехватку кислорода. Всё внутри горит и печет от бешеного желания что-нибудь разбить. Выместить на чем-нибудь свою ярость... и плохо контролируемый страх, что она никогда больше не вернется.

Не могу ни о чем другом думать. Стою с остановившимся взглядом, вцепившись в телефон, из которого всё еще идут длинные гудки оборвавшейся связи.

- Эй, ты бы поаккуратней, - Плохишев бесцеремонно хватывает его у меня из рук и тщательно осматривает на предмет повреждений. - Свою мобилу угробил, так хотя бы чужую побереги. Ну и чего там с Дашкой... свалила в закат, полагаю? И теперь у тебя новый повод забухать?

Я опускаю кулаки на столешницу и наваливаюсь всем корпусом, чувствуя острую необходимость в опоре. Из-под ног будто землю выбили... и кажется, что пол под ногами пляшет, как пьяный.

Прощай... предатель...

Нет.

- Нет, - повторяю вслух хрипло, не узнавая собственный

голос. - Я верну ее. Дашка сказала, что с ней та нянька. Значит, ее надо найти. Адрес... мне нужен адрес...

- Владан Романович! - в щели приоткрывшейся двери возникает невозмутимая физиономия моей пожилой секретарши с уродливыми очками. - Там вам снова из психодиспансера звонят. Спрашивают, когда мать под свою ответственность заберете. Говорят, буйствует.

- Ирина Петровна! - нетерпеливо разворачиваюсь к ней, полностью захваченный мыслью о няньке сбежавшей жены. - Немедленно свяжитесь с начальником службы безопасности. Пусть поднимется ко мне.

- А психодиспансер?

- Подождет, - цежу сквозь зубы. - Не до него сейчас.

Плохишев то ли удивленно, то ли просто задумчиво приставляет.

- Серьезно? А я думал, ты первым делом кинешься маман из психушки вызволять. Растешь, однако. Вот что значит задуматься над жизненными приоритетами! - с насмешливым пафосом заявляет он и щурится: - Что, даже ничего внутри не ёкнуло - как там себя чувствует дорогая мамуля, и как ее вообще угораздило туда попасть? У вас же с ней такие высокие отношения - прямо как у неприкосновенного идола и каменного постамента для него...

Я угрюмо зыркаю на друга исподлобья.

Сложить дважды два не так уж трудно... учитывая, что тут наплела спешно примчавшаяся ко мне в офис - как по за-

казу! - Маританна под предлогом помощи с ребенком. Что ж, судя по сообщению, которое прислала Даша, и странно-му упоминанию какого-то топора от дежурного из психушки, матери не помешает немного задержаться в комнате с мягкими стенами. И поразмыслить о своем поведении в отношении моей жены.

Материнские интриги меня никогда не удивляли. Я с самого детства привык к её многочисленным манипуляциям. А когда научился их распознавать - просто выбрал для себя удобную тактику отстраненного игнорирования, если цели моей матери расходились в чем-то с моими личными интересами. Так что мы с ней прекрасно уживались и особо даже не мешали друг другу. Она так и продолжала испытывать на мне эффективность разнообразных методов непрямого воздействия, а я - делал вид, что не замечаю этого. Вплоть до того, что такое поведение вошло в привычку...

Но события последних недель настолько выбили меня из колеи, что я даже не задумался о том, как это всё аукнется на моей чувствительной, и без того обиженной жене.

И доигрался.

Теперь придется разгребать последствия не только своих косяков с Нонной и Марой, но и распутывать паутину проблем, которую наплела вокруг нас моя мать. Как будто у меня других важных задач нет. Например, работы.

Блядь... как же это всё невовремя!

Но обсуждать это всё с Плохишевым нет сейчас ни ма-

лейшего желания. Этот будет ржать над моей «проблемой из детства» так, что сало с волос облетит.

- Ладно, проехали. Не напрягайся, - друг явно чувствует, что задел некую красную черту, за которой последует взрыв, и благоразумно отступает от нее. - Ты разбирайся, а я пока новости гляну. У отца предвыборная компания полным ходом идет... - он небрежно сгребает пульт со стола и переключает внимание на тонкий картиноподобный прямоугольник настенного телевизора, которым я почти не пользуюсь.

Черный экран вспыхивает динамично мелькающими и без конца что-то лопочущими лицами новостного канала, и я раздраженно отворачиваюсь.

В кабинет входит начальник моей службы безопасности Дэн, чисто номинально стукнув костяшками пальцев по двери.

- Владан Романович, звали?

- Да, - я приваливаюсь к столу, скрестив руки на груди. - Мне нужен адрес женщины, которую моя жена выбрала няней для нашего сына. Найди его. Срочно.

- Он у меня уже есть, - с готовностью кивает Дэн. - Ада Адамовна мне звонила на днях, требовала проверить официальные данные об этой особе.

- Ну и..?

- Это бывшая санитарка из роддома номер шесть, Владан Романович. Там у Дарьи Алексеевны как раз роды принимали. Санитарку, ныне пенсионерку зовут Иванова Людмила

Прохоровна. Она живет в старом районе на окраине. Там, где аварийным жильем под снос никак не займутся и жильцов по новостройкам не переселят.

- А-а, это ты про кучку двухэтажных домишек прошлого века, Дэн? - рассеянно оглядывается Плохишев. - Отец включил этот пункт в свою программу предвыборных плюшек. Пенсионерам точно понравится. Эти бараки для них давно уже как бельмо на глазу...

- Адрес, - перебиваю его с нетерпеливым раздражением.

- Улица Обалдуева, дом тринадцать, квартира шесть, - без запинки отвечает начальник службы безопасности.

- Поехали!

Я отталкиваюсь от стола и направляюсь к двери стремительно широким шагом. Страстное желание перехватить сбежавшую жену и вернуть домой любыми доступными способами полностью перекрывает все посторонние мысли. Но уже возле самого выхода меня вдруг догоняет ускоренно-тревожный голос из телевизора:

- ...прерываемся на экстренный выпуск новостей! Только что произошло обрушение аварийного жилого дома в историческом районе города на улице Обалдуева! Двухэтажный дом номер тринадцать давно требовал либо дорогостоящего капитального ремонта, либо сноса, и сегодня его обветшавший каркас просто развалился прямо на глазах у прохожих. Большинство жильцов успело покинуть здание, но несколько человек оказались под завалом рухнувшей крыши. На месте

работают спасатели и...

Я останавливаюсь, как вкопанный, и медленно поворачиваю голову к Плохишеву.

- Какой дом..? - горло перехватывает от нехорошего предчувствия. Перед глазами сгущается тёмная пелена, а в висках начинает грохотать тяжелый пульс.

- Тринадцать, - осторожно отвечает друг и... разумно ничего больше не добавляет, заметив, как я изменился в лице.

Зато начальник службы безопасности не столь эмпатичен к моему состоянию.

- Владан Романович, пока про тела погибших ничего не говорили. Да и процент вероятности, что Дарья Алексеевна там под завалом, не так уж велик и...

- Заткнись! - хриплю я и стискиваю зубы так, что еще чуть-чуть - и начнут крошиться. - Я сам всё проверю, понял? Лично!

Глава 4. Маленький личный катарсис

Князь

Развалины барака оцеплены множеством машин и спецтехникой с мигалками. Спасатели и дежурные скорой помощи возятся с пожилыми пострадавшими, терпеливо выслушивая их стрессовое бормотание об обвале здания и жалобы на жизнь. Между ними бродят в спецовках коммунальщики, дезорганизованные и растерянные.

Я иду напролом через это суетящееся людское месиво, как в дрянном кошмаре, и едва замечаю, как встречные смотрят мне в лицо и поспешно уступают дорогу.

Нервы натянуты до предела в борьбе с собственным жгучим страхом. Потому что сейчас больше всего на свете я боюсь увидеть бездыханные изломанные тела. Но как назло, именно эта картина постоянно выскакивает перед мысленным взором...

Нет, они живы. Они должны быть живы, моя жена и мой сын! Моя Дашка... Иначе и быть не может.

Я дергаю щекой, с ненавистью глядя на кордон спасателей и полицейских, которые преграждают путь к развалинам барака. Надо найти кого-то из начальства...

Навстречу бросается дерганое недоразумение в форме

уличного полицейского патруля. У него унылая физиономия нездорового синюшного оттенка, а в мешках под глазами могла бы поместиться пара слонов. И я выше него ростом, как минимум, на голову.

- З... з... здравсте, Владан Романович! - сипит недоразумение, встав навывтяжку.

- Бухарин? - уточняю я сквозь зубы. - Николай Георгиевич?

- Можно просто Жорыч, - проявляет он неуместную и раздражающе фальшивую фамильярность. - Меня предупредили, что вам надо оказать всяческую помощь и сопровождать на месте происшествия... так сказать, во избежание...

Я равнодушно разглядываю его форму. Мелкая и скорее всего бесполезная сошка в рядах доблестной полиции. Мой знакомый - новый начальник полиции майор Котов, - мог бы и кого-нибудь понадежней порекомендовать. Этот Жорыч никакого доверия даже близко не внушает.

- А где капитан Чернобесов? - цежу холодно. - Раньше в этом районе по всем вопросам я контактировал только с ним.

- Так... на пенсию его недавно же того... отправили, - запинаясь, объясняет Жорыч. - Типа по собственному... ну, вы понимаете. [*] За трения с новым высшим руководством. Я был его правой рукой и в курсе многих его дел. Кстати, потому меня и перевели из дежурки в патруль. Наверное, боялись моего авторитета...! - он слегка приосанивается и с важностью добавляет: - Но вы смело можете полагаться на меня

в любом вопросе и...

- Меня интересуют списки пострадавших, - прерываю его нетерпеливо. - В частности, хозяйка квартиры номер шесть и те, кто... был у нее в гостях. Молодая женщина с ребенком.

- Секундочку...

Жорыч машет кому-то рукой, и через пару мгновений к нам подходит коренастая женщина с большой черной папкой в руках.

- Зинаида, глянь в списке, есть там хоть кто-то моложе пятидесяти?

- Да откуда? - пожимает та плечами, настороженно на меня покосившись. - В этом доме одни пенсионеры век свой доживали до сегодняшнего вечера. А вся молодежь по новостройкам нынче селится... и тут, хошь не хошь, а скажешь спасибо ипотеке! Так что никаких молодых женщин с детьми у нас замечено не было...

- Она могла быть здесь в гостях, - жестко обрываю ее. - В квартире номер шесть.

- Номер шесть? - сероватое от усталости лицо Зинаиды вытягивается. - Ох, так это прям в самом эпицентре! Если там кто и был в момент обрушения, то его сто процентов заваляло... Спасатели, конечно, раскопают всё и проверят, но с каждой минутой шансов на выживание при таком варианте событий всё меньше. Мне очень жаль.

Резким движением я ослабляю узел галстука. Но легче дышать от этого не становится. В висках снова начинает предо-

стерегающе грохотать пульс.

- А кто эта женщина с ребенком, Владан Романович? - осмеливается спросить Жорыч, благоговейно взирая на меня снизу вверх.

Я медленно перевожу на него ледяной взгляд, от которого глаза «недоразумения в форме» начинают испуганно бегать, не выдержав прямого контакта.

- Жена и сын это у него, - отвечает вместо меня Плохишев, возникая сбоку.

На пару с ним рядом топчется начальник моей службы безопасности, задержавшийся на парковке из-за созвона со спецами по отслеживанию мобильных сигналов.

- О-о... - бледнеет Жорыч и опрометчиво ляпает: - Какое несчастье! Вряд ли они выжили. Там ведь сразу после обвала еще и взрыв газа произошел, когда оборванная электропроводка заискрила! Примите мои соболезнования, Владан Ро...

- Заткнись, - хриплю я, делая стремительный шаг почти вплотную к недоумку, и угрожающе вздергиваю его за воротник на цыпочки. - Соболезновать себе сейчас будешь, если не заткнешься, понял?

- Спокойно, дружище, спокойно, - вмешивается Плохишев, перехватывая мои руки, чтобы дрыгающий ботинками Жорыч смог нормально встать на землю. - Давай исходить из того, что пока ничего не известно и будем надеяться, что это просто неудачное предположение... ну, насчет ее пребывания здесь в гостях.

Но его слова меня ни хрена не успокаивают. Только бесят еще больше.

- Эпицентр обрушения! - снова встряхиваю свою жертву, как низкорослую осинку, чтобы вложить в запрос побольше стимула. - Покажи это место.

- Влад-дан Романович! - страдальчески дребезжит зубами Жорыч. - Там опасно, да и не положено гражданским по технике безопасности...

- Живо, ну?!

Он бросает отчаянный взгляд на более-менее адекватного с виду Плохишева, и тот с любезным равнодушием кивает:

- Сделай, как он говорит. Иначе завтра тебя из органов турнут окончательно. Лучше не рискуй.

Вблизи место трагедии выглядит намного хуже, чем я ожидал. Крошево прогнившего от старости дерева, ошметки отделки и огрызки ржавых труб коммунальной разводки вперемешку с закопченным бараклом престарелых жильцов создают впечатление гнетущего апокалипсиса в миниатюре.

Я делаю несколько шагов вперед и останавливаюсь.

Никогда в жизни не чувствовал себя настолько потерянным, беспомощным даже. И оттого злость на весь мир становится только сильнее, распирает грудную клетку, словно в преддверии ядерного взрыва. Хочу кого-нибудь убить.

- Дэн, - хрипло зову своего начбеза, уставившись на черные от копоти обломки. - Что там по номеру моей жены уда-

лось пробить? Какое у нее последнее местонахождение в текущем режиме?

Дэн отвечает через еле заметную напряженную паузу:

- Последние геоданные указывают на это место, Владан Романович. И с тех пор симка всё еще неактивна. Либо выключена, либо... находится в нерабочем состоянии.

- Блядь... - вырывается у меня почти беззвучно. Я слепо отвожу взгляд в сторону.

В груди становится так тяжело, что хоть волком вой. И почему-то в ушах, помимо пульса, гремит еще какой-то назойливый и монотонный звук...

Что-то вроде стука по батарее или железной трубе. Что это за хрень..?

[] Майор Котов, капитан Чернобесов и полицейский Жорыч- второстепенные персонажи из дилогии «Босс для Красной шапочки» (см. эпизод полицейского произвола с главы 30.Шапочка в беде) >>><https://litnet.com/ru/book/boss-dlya-krasnoi-shapochki-b416664>*

Глава 5. Сюрприз в сундуке

Князь

Звук дребезжащего металла идет из-под гигантского куска кровельного покрытия, венчающего прочие обломки. Оттуда даже всё еще торчат «рога» древней телевизионной антенны, чудом уцелевшей в общем хаосе разрушения.

Я резко разворачиваюсь к стоящему позади Жорычу. Тот с тихой злобой разглаживает помятую мной форму своей патрульно-постовой службы и, поймав мой безумный взгляд, мгновенно бросает это занятие.

- Спасателей кликни! Бегом!

- Сейчас, сейчас...

К тому моменту, когда обломки крыши удастся с великими предосторожностями убрать, металлический стук затихает. Работа по расчистке после этого, конечно, не прекращается, но слегка замедляется из-за потери ориентира.

Я стою неподалеку, впившись немигающим взглядом туда, откуда изначально услышал звук. В ушах шумит, а мир вокруг кажется серым и незначительным. За исключением того самого места.

- Мы с твоим цербером пойдем в народ и пообщаемся, - нехотя говорит Плохишев, хмуро понаблюдав за мной некоторое время. - Вдруг кто-нибудь да что-нибудь полезное приметил... А ты бы хоть присел сам, ну? Могу тебе успокои-

тельного из скорой добыть.

- Лучше просто отвали, - деревянно цежу я сквозь зубы, не глядя на него. - Роль заботливой мамочки - это не твое.

- Ну, мое дело предложить, - разводит руками друг и растворяется в толпе вместе с Дэном.

После еще нескольких мучительно долгих минут ожидания в группе спасателей намечается оживление. Они что-то внимательно рассматривают в образовавшейся под ногами щели, бурно совещаясь при этом...

И тогда я бездумно срываюсь с места.

- Да что же это такое? Ну мы же говорили, посторонним сюда лезть запрещено! - преграждает дорогу один из них, но Жорыч страдальчески вмешивается:

- Ему можно. Майор Котов лично распорядился оказывать господину Князеву любое содействие.

Спасатели нехотя расступаются, наперебой кидая недружелюбные взгляды исподлобья. Ну, а кому понравится навязанный сверху соглядатай? Впрочем, сейчас один из тех случаев, когда мне глубоко похуй на враждебное сотрудничество силовых структур.

- Нашли кого-нибудь? - бросаю требовательно.

- Пока только это, - буркает старший спасатель, кивая на выпуклую часть чего-то массивного, похожего на кованую крышку гигантской шкатулки. - Сундук... кажется.

- А источник звука? Что с ним?

- Так он из этой штуки и шел! Пока не затих... что без-

условно плохой признак! Надо срочно забраться в щель и открыть крышку. Целиком мы ее не вытащим, слишком объемная для такого узкого выхода, - и он раздраженно вздыхает: - Надеюсь, теперь вы перестанете нас отвлекать от дела? - Действуйте, - быстро отступаю я.

Чужой негатив по поводу моего вмешательства в процесс трогает меня не больше, чем аллергический кашель чихуа-хуа.

В итоге лезть к сундуку приходится самому худому члену группы. Он движется с черепашьей скоростью, серьезно испытывая мое терпение, а потом из темной прорехи доносится его возглас:

- Нашел! Тут снаружи молодая женщина лет двадцати пяти, без сознания. Пульс есть, но слабый. Большая кровопотеря и черепно-мозговая с переломом носа. Лицом ударилась при падении. Зовите ребят из скорой, пусть подстрахуют!

Я даже дышать перестаю при этих словах.

Женское тело совместными усилиями вытаскивают из завала и уstraивают на носилках. Врачи скорой помощи суетятся вокруг, чтобы как можно быстрее стабилизировать пациентку.

А я...

Я глотаю воздух с перебоями, глядя на неузнаваемо распухшее от кровоподтеков лицо.

Она или не она? Волосы... того же оттенка и структуры... фигура стройная, но в уличной одежде не разобрать

точнее... пальто серое...

Было ли у моей Даши в гардеробе короткое серое пальто? Не могу вспомнить...

И может ли случиться такое серьезное совпадение, что возле квартиры номер шесть в момент обвала окажется еще одна стройная молодая женщина-шатенка..? Сомнительно... Амаленького ребенка в такой разрухе среди обломков могли пока просто еще не заметить...

Эта мысль разъедает мозг отравой вины и мучительно острой боли. И в какой-то момент меня просто переклинивает.

Один шаг вперед на ослабевших ногах - и, буквально рухнув на колени рядом с носилками, я упираюсь кулаками в землю.

- Дашка... - хриплю на рваном выдохе. - Неужели это... ты.?!

Ужас произошедшей трагедии накрывает меня с головой, как неумолимая тяжесть бетонной плиты. Под этим гнетом я горблюсь над телом, стараясь справиться с собственными леденящими чувствами.. и не могу. Только закрываю глаза на искаженном от боли лице и чувствую, как веки жжёт соленая горечь непрошеной влаги...

Меня трясет. Трясет, как смертельно раненого зверя.

- Мужчина! - окликает кто-то из врачей рядом. - Это ваша родственница..?

- Да погоди ты, - прерывает его другой. - Не видишь, че-

ловеку плохо! Носилками займись, поднимаем на счет раз, два и..!

В то же самое время откуда-то далеко-далеко, как из параллельной вселенной, доносятся удивленные возгласы спасателей. И чья-то невменяемая и очень экспрессивная старческая ругань.

- ...от ироды! Живого похоронить меня решили?! Не дождесси! А ну-ка ручонки свои убрали, пока не повырывала с корнем!

Фоном слышно, как ее уговаривают вылезти из сундука, что-то втолковывают, но я воспринимаю эти звуки как шум, способный довести до безумной ярости. Потому что это самая настоящая издёвка судьбы - испоганить горе человека дикими воплями какой-то сбрендившей старухи.

Санитары наконец поднимают носилки, но я хватаю одного из них за локоть.

- Куда вы ее везете? Больница какая?

- Первая городская, прямиком в неотложку. Имя-фамилию пациентки можете назвать?

Я сипло произношу:

- Возможно, это... - слюна во рту вязкая и горькая, еле получается сглотнуть, - ...Даша...

- Тьфу на тебя, прости Господи! - перебивает меня незаметно приблизившаяся со спины старуха, которую ведут под руки спасатели. - Какая ишо Даша? Это ж Руфина из соцобслуживания! Приходит ко мне убираться, готовить, гулять

помогает. Ох, и не свезло девке!

Её слова доходят до сознания не сразу, однако эмоциональный посыл понятен на интуитивном уровне.

- Руфина..? - я медленно поднимаю одеревенелую руку и смахиваю со лба холодный пот. А затем с чувством цежу набирающим силу злым низким голосом: - Ах ты ж ёбаный в рот на хуй!

Старуху аж подбрасывает на месте от возмущения.

- Рожа ты бесстыжая, как язык только повернулся рядом с приличными людьми такое ляпнуть! - тычет она острым сухим пальцем в мою грудную клетку. - Бес сквернословия в тебе сидит, не иначе! Иди рот с мылом помой!

Не обращая внимания на её ругань, я шумно выдыхаю и перехватываю ее тыкающую конечность на очередной атаке.

- Как вас по имени-отчеству, уважаемая?

- Ну, Варвара Сергеевна я, и чего? - она выдергивает руку и награждает меня подозрительно-неприязненным взглядом.

- Варвара Сергеевна, я ищу свою жену, - без обиняков заявляю ей, не особо надеясь на реально полезную информацию от нее. - Известно точно, что она была здесь. Заходила в квартиру номер шесть. Может быть, вы ее видели? Она немного похожа типажом внешности на вашу девушку-соцработника. Зовут ее Князева Даша...

- А-а, княгинька та... ну-ну! - фыркает старуха. - Видали мы тут таких, было дело. С карапузом шлялась наперевес.

Плохой из тебя муж, раз жена бродит где попало с ребенком!

Глава 6. Решала Председателя

Даша

От вторжения незваного типа во двор мне становится не по себе. И самым тревожным в его облике кажется то, как самоуверенно он себя ведет. Словно чужая собственность для него - всё равно, что пустой звук.

Слегка забеспокоившись, я оглядываюсь на спящего малыша и торопливо ныряю в сени, чтобы вернуться к бабушке Люсе.

- Готово! - слышится со двора торжествующий возглас отзывчивого алкаша Кондратия. - Принимай работу, хозяйка!

- Та-а-ак, ну-кась подвинься... - распоряжается ее довольный голос и тут же крикает: - Батюшки святы! Это ж...

Распахнувшаяся дверь открывает передо мной дворовую «картину маслом». Отрезанная болгаркой дверца валяется на земле... Фёдор Лукич, Кондратий и бабушка Люся с одинаково ошеломленными лицами склонились над сейфом...

...потому что две трети его недр с изуродованными краями занимают защитные банковские упаковки из прозрачного поливинилхлорида. И сквозь них прекрасно видны аккуратные стопки денежных купюр внутри.

В первую секунду я и сама удивленно застываю.

М-да... видимо, Князев буквально за пару дней до моего побега обновил в домашнем сейфе запас налички. Обыч-

но он делал это раз в несколько месяцев. Сумма там должна быть приличная, зная щедрость мужа... но пользоваться ими без веского повода я всё равно не буду. По крайней мере, пока у меня свои небольшие сбережения есть.

- Дашуль! - замечает меня бабушка. - Глянь, что тут случилось. Целая прорва де...

- У нас гости, - поспешно прерываю ее, вспомнив о чужаке-вторженце за воротами, и киваю в ту сторону.

Он маячит там, широко расставив ноги и внимательно разглядывая нас. Лобастый, бровастый, с копной выющихся черных волос и тяжелым подбородком. Равномерно-смуглая от природы кожа, глаза черные и блудливые... словом, знойный такой типаж мужчины в цыганском духе.

При виде него Кондратий звучно икает и с заметной настороженностью говорит:

- Здор-рово! Какими судьбами?

- Да так... по делам председателя в администришку к старосте нашему забежал, - уклончиво сообщает тот. - Слишком много инициативы проявляет в последнее время... а инициатива, как ты помнишь, дело неблагодарное. Ну и кипеж ваш тут услышал. Дай, думаю, проверю, кто на бесхозном участке хозяйничает... - его взгляд останавливается на бабе Люсе, прикрывающей спиной сейф, а потом перескакивает на меня. - Планируете жить тут или так, наездами?..

- Ишь, какой любопытный, - хмыкает баба Люся. - Вот поживем, так и увидим. А вам до этого какое дело, человек

без имени?

Незнакомец, похожий на цыгана, как-то недобро хмыкает, игнорируя обращенный к нему вопрос. И снова с любопытством на меня косится.

- Это Михей, - быстро представляет его сосед Лукич и с небольшой заминкой добавляет: - Он у нас в Гадюкино... э-э... специалист по работе с общественностью. Его все знают.

- Что-то плохо ваш специалист с этой общественностью контактирует, - критически комментирует баба Люся, как бы невзначай роняя на сейф свою объемную сумку с плеча. - Сам за себя отвечать не умеет. И по чужим дворам, как к себе домой, шастает... Словом - до свидания, господин хороший!

При этих ее словах сосед отводит глаза в сторону, будто опасаясь увидеть реакцию этого мутного Михея. А со стороны будто бы разом протрезвевшего Кондратия вообще доносится странный звук, похожий на полузадушенный стон. И это только усиливает напряженность.

- Ну, за себя-то я отвечать еще как умею, - тянет Михей неприятным тоном. - Вот только обычно мало кто довольным остается, когда это происходит. Особенно те, кто со мной незнаком. Но... - вдруг добавляет он, снова переводя на меня свой шальной цыганский взгляд с многозначительной ухмылкой, - ...симпатичных девчонок, которые умеют быть ласковыми и милыми, я редко обижаю.

Интимная подоплёка его словесного посыла прозрачнее некуда. И это - при моей родной бабушке и престарелом со-

седе! Вот сволочь.

Переборов растерянность, я сухо говорю:

- Слушайте, мы только что с дороги и очень устали. Нам сейчас не до общения, вещи разбираем. Уверена, у вас есть куча других более важных дел, чем рассказывать о своих предпочтениях посторонним людям. Тем более таким незаинтересованным, как мы.

- Незаинтересованным, значит? Ла-а-адно... - неопределенно-насмешливо тянет Михей с отчетливо читаемым посылом - мол, не расслабляйся, мы с тобой еще вернемся к этой теме.

Он поворачивает голову к слегка пришибленному Кондратию.

- Слышь, ты, Квадратик... Как закончишь здесь, заскочи на хату к председателю. Его девка опять улучшения жилищных условий требует. На этот раз ей веранда не угодила.

- Веранда? - изумляется тот. - Да она ж совсем новая! Вчера только бригада из райцентра всё чин-чинарем пристроила к дому! И гамаком добротным не обделила...

- Ага, как будто я не в курсах. Но наша Нонночка теперь на сквозняк жалуется...

Это имя - довольно редкое и потому вдвойне для меня неприятное, - снова царапает слух. Я непроизвольно морщусь, гадая, по какой досадной причине оно постоянно меня преследует.

- ...весь телефон мне оборвала эта с-с-су... - не договорив,

Михей криво ухмыляется в нашу с бабушкой сторону и демонстративно переиначивает: - ...с-сумасшедшая баба. Так что сделай что-нибудь, пока там слезоточивая истерика не приключилась. Пленку повесь или остекление организуй... Главное, чтоб председателю настроение не портило, понял?

- Понял.

- Ну бывай тогда.

С этими словами незваный гость награждает меня еще одним долгим насмешливо-оценивающим взглядом и вразвалочку удаляется за ворота.

Мы с бабой Люсей почти одновременно с облегчением выдыхаем и переглядываемся. Но сосед Фёдор Лукич этого облегчения однозначно не разделяет.

- Не связывались бы вы с ним, - говорит нам с тяжким вздохом. - Ненароком зацепите, а такие, как он, за простой косой взгляд до полусмерти избить могут. А то и... тогось. Чик ножичком - и в ближайший овраг с концами.

- Ну горазд пугать-то, Федь! - всплескивает сразу обеими руками заметно встревожившаяся баба Люся. - Ты хоть расскажи сначала нам толком, откуда этот фрукт у нас в Гадюкино взялся? Чьих он будет вообще?

- Да ничьих, приблудился хрен знает откуда лет пять тому назад и на свинокомплекс в райцентре устроился, сторожем.

- А чего он председателя постоянно приплетает... в колхозе нашем бывшем, что ли, варится?

Молчаливый Кондратий рядом как-то странно крикает. А

когда мы с бабой Люсей дружно скрещиваем на нем взгляды, он страдальчески поясняет:

- Председатель - это кликуха пахана нашего местного. Это который директор Гадюкинского свинокомплекса. Рылов Харитон Анатольевич. Местные поначалу его кто Рылом, а кто Харей обзывал, но Михей быстро всем рты позатыкал. Он его правая рука. Как говорят нынче - решала проблемных вопросов... Так вот, потом кто-то ляпнул насчет Председателя, ну и понеслось. Всю работоспособную мужскую часть деревни Рылов под свое крылышко прибрал, делами загрузил и контролирует...

- А разве это плохо? - удивляюсь я. - Если он дает работу, меньше пить, драться и воровать будут.

- Так это если работа нормальная, - морщится Кондратий и переходит на пониженный тембр голоса: - Только у Председателя скорее это... того... хмм...

- Чего того? - нетерпеливо спрашивает баба Люся.

- Да бандит он обыкновенный, - раздраженно закатывает глаза сосед Лукич. - Даром что директор свинофермы. С тех пор как его назначили туда руководить, так житья никакого не стало простым людям. Раньше от безделья просто бухали, подворовывали по мелочи и раз в неделю в райцентре выездной рынок выходного дня силами старосты устраивали, чтоб подзаработать на излишках с огорода. Уж как радовались ведь, что он - ну, староста наш деревенский, Илья Ильич, - всё это дело на благо жителей организовал, эх! А те-

перь Рыков на эту лавочку фильтр поставил. Типа кто с ним - тот торгует. А кто нет - или за бесценок рыковским торгашам продает, или в соседний район за тридевять земель чешет...

Я слушаю эти жалобы и никак не могу отделаться от навязчивых мыслей. А потом неожиданно для себя поворачиваюсь к страдающему от соседских прямолинейных откровений Кондратию и тихо спрашиваю его:

- А кто такая эта Нонна вашего Председателя?

- Нонна? - моргает Кондратий и несколько раз шмыгает сизым носом, словно стимулируя этим похмельную мозговую активность. - Говорил вроде уже, приезжая она из города. А капризная какая - упасть не встать!.. Устроилась по благу помощницей начальника участка на свиноферме, захпала себе сразу служебную квартиру в райцентре... Но там воньща такая, что привыкать долго надо. Так что она мигом переехала в Гадюкино на рыковскую дачу и оттуда на работу ездит. Вот только толку с нее - как с козла молока. Ни хрена в уходе за свиньями не понимает. Так что она у Председателя на самом деле совсем по другой ставке работает... - он ухмыляется с заметной пошлятинкой. - Девочкой на побегушках... с функцией личной массажистки.

Глава 7. Эхо потерянного счастья

Даша

Первая ночь в старом деревенском доме проходит у меня, как на иголках.

Пронянчившись весь остаток вечера со своим малышом, сама я еще долго не могу уснуть. События минувшего дня крутятся в голове цветным калейдоскопом - от тревожных гаданий, заметил ли деньги наглый Михей, до мрачных воспоминаний о Князеве...

Что он сейчас делает?.. Начал искать сразу... а может, помчался вызволять Аду Адамовну из ее собственной ловушки и слушать зловредные рассказы обо мне...

Что же ты натворил с нами, Влад?..

Красивое породистое лицо мужа с жестким подбородком и пронзительно-синими глазами стоит передо мной, как наяву. И сразу же позади него фоном выплывает блондинистая тень Нонны. От нее так и разит злым недоумением и ревностью - как тогда в парке, перед тем, как я упала, стремясь избавиться от её навязчивого общества.

Я мотаю головой, чтобы отогнать это мучительное видение прочь. Слушаю в наушниках аудиокнигу об уходе за грудничком, смотрю в окно на темную пасмурную ночь и даже считаю овец, пока не проваливаюсь наконец в долгожданное беспамятство усталого сна...

Однако у моего подсознания на сегодня совсем другие планы.

- *Дашка*, - шепчет оно мне на ухо низким, вибрирующим от еле сдерживаемого вожделения голосом Князева. - *Моя Дашка... наконец-то только моя...*

...свадебное платье давно смято и небрежно отброшено на спинку дивана, постель выглядит как поле битвы, а наши обнаженные тела сплетены так плотно, что кажутся единым целым.

Я только что испытала самое огромное и невероятно прекрасное чудо оргазма и всё еще дрожу. Лежу на спине с широко раздвинутыми ногами, обхватывая ими своего первого и единственного мужчину за талию. Его плоть пульсирует во мне. Распирает и наполняет своей жестко-бархатной мощью в такт моим горячим внутренним спазмам так восхитительно глубоко, что от блаженства хочется кричать...

Но я сдерживаюсь - слишком стесняюсь этой бури ощущений и эмоций. Почему-то открыться своему мужу физически намного легче, чем дать волю инстинктивным стопанам, как у текущей от удовольствия самки под тяжестью овладевшего ею альфа-самца.

Когда самый яркий фейерверк острых ощущений затихает, я распахиваю веки и взглядываюсь в лицо нависающего надо мной мужа. Он улыбается, но с некоторым напряжением. И только тогда до меня доходит, что он не присоеди-

нился ко мне в момент самого сладкого финала.

- Что-то не так..? - спрашиваю его с замиранием сердца.

Во мне трепещет отчаянное опасение, что я недостаточно хороша в постели для такого потрясающего мужчины. По какой причине он остался неудовлетворенным, почему? Я же до сих пор чувствую его эрекцию глубоко внутри - она не может обманывать.

- Расслабься, все нормально, - Князев дарит долгий вкусный поцелуй и мягко выходит из меня. Одновременно с этим он встает с кровати, на которую опирался коленом в процессе нашего бурного соития. - Просто эта свадьба была такой долгой, а я так сильно хотел оказаться в тебе, что забыл про презерватив. Мог бы, конечно, кончить снаружи, но я не любитель прерванного секса. Главное, что тебе было хорошо, маленькая. Как ощущения? Ты очень чувствительная девочка...

- Это было... - я взволнованно облизываю пересохшие губы, и синие глаза Князева моментально вспыхивают жарким огнём. - Это было потрясающе! Я боялась, что первый раз мне не понравится, столько читала об этом... но оказалось, что это лучшее, что я испытывала в своей жизни!

Он слегка усмехается, лаская мое тело разгоряченным взглядом и постоянно возвращается к губам. Несмотря на то, что между нами только что произошло, я всё ещё смущаюсь и потому с трудом сдерживаюсь от желания накрыться с головой простыней.

А вот Князева собственная нагота ничуть не напрягает. Стоит передо мной абсолютно непринужденно и без малейшего стеснения. Хотя его мужская уверенность в себе как раз понятная и логичная - при такой-то великолепно развитой мускулатуре и прекрасной генетике!

Я произвольно любуюсь атлетическими очертаниями его торса и в смятении таращусь на его внушительный орган. В этой боевой стойке он настолько напряжен, что практически прижимается к прессу своего хозяина! Это зрелище пугает мой неискушенный разум... и завораживает.

Князев замечает направление моего внимания, и его ноздри слегка раздуваются.

- Если тебя беспокоит мое удовольствие... то есть еще один способ доставить его мне, - многозначительно медленно тянет он. - И это один из самых лучших подарков для любого мужчины.

Намёк прозрачнее некуда.

Оральный секс давным-давно уже стал естественной частью постельных отношений для большинства людей. Хотя вообще-то лично для меня это такая же диковинка, как и то, что я испытала только что.

Тень какого-то далекого смутного беспокойства вторгается в мое смущенно-трепетное настроение отрезвляющим диссонансом...

И внезапно, всё еще видя перед собой возбужденного мужа, я осознаю, что это всего лишь сон. Точнее - сон-воспо-

минание о нашей первой близости. Задолго до того, как я забеременела. И до того, как он изменил мне потом со своей секретаршей.

Эта мысль, словно хлесткая пощечина, вырывает меня из вязкой паутины сна в одно мгновение.

Я вздрагиваю и распахиваю глаза в мягкой полутьме с бликами уличного фонаря напротив нашего дома.

В ушах стоит мое собственное частое дыхание. Сердце колотится от гремучей смеси боли, обиды, непонятной паники... и слабого возбуждения. Где-то в зале слышно мирное тиканье старых механических часов, а в воздухе пахнет чем-то неуловимо-полузабытым и деревенским... кажется, сухим сеном, грибной плесенью и чуточку нафталином.

В голове какая-то чехарда. Я лежу, пытаюсь собраться с мыслями, и никак не могу понять, почему меня преследует странное ощущение какой-то неправильности воспоминания. Как будто во сне оно обрело какие-то новые краски взамен выцветших.

Раньше на том моменте с намеком на минет преобладал приступ панического отторжения. Мне не хотелось прибавляться к оральному сексу от слова «совсем». Это я точно помню.

Но в нынешнем сне присутствовало только любопытство, а паника скорее произрастала из страха впечатлительной девственницы.

Что за...

Я медленно сажусь в постели и сосредоточенно думаю обо всем этом.

Как так произошло, что у меня не получается нащупать и прочувствовать причинно-следственные связи собственного поведения, в то время как память о самом поведении и о тех эмоциях прекрасно сохранилась?

Рассеянно провожу рукой по волосам, убирая с лица растрепавшиеся пряди, и неожиданная догадка заставляет меня замереть.

Всё дело в той кратковременной проблеме с амнезией из-за черепно-мозговой травмы. Она украла у меня какой-то ключевой кусочек прошлого!

Это открытие до того потрясает и тревожит, что усидеть на месте невозможно. А вдруг я еще что-то важное забыла? Это же кошмар!

Хочется немедленно обсудить это с бабой Люсей. Не исключено, что в тот последний день перед выходом на пенсию она могла услышать что-то полезное от исследовавшего меня врача. Может, она ещё не легла спать там в зале и читает что-нибудь?

Помню, перед сном я заглядывала к ней, и она сказала, что как раз собирается сумки разобрать на ночь глядя... Так что очень вероятно.

Подбадриваю себя этими соображениями, пробираясь на цыпочках в соседнюю комнату. Но надежда не оправдывается.

Бабушка спит на большом раскладном диване со здоровенным ржавым ключом от чулана в руке. Понятно, решила цербером побыть, пока мы не найдем для денег моего мужа более надежное и достаточно скрытное место, чем старинный сундук со стопками нафталиновых нарядов прошлого века..

Разочарованно вздыхаю и делаю шаг обратно в сторону спальни... как вдруг в сенях за дверью раздается подозрительно тихий скрип.

Именно там, где расположен чулан со спрятанными деньгами Князева.

Мне становится жутковато. Мы в доме совсем одни с пожилой женщиной, а в деревне мало кого хорошо знаем. Как могут себя защитить две слабые женщины в такой глуши?

Целую минуту вслушиваюсь напряженно, но больше мне не удастся уловить ни одного пугающего звука. Поразмыслив, решительно бужу бабушку Люсю. Вскрикивает она практически мгновенно - сказывается многолетняя работа в роддоме с внеплановыми ночными родами.

- Что, Дашуль?.. - трет глаза и моргает.
- Мне показалось, что в сенях кто-то был...
- Да кому могли понадобиться наши сени, там паутина одна да мыши.. - она осекается и шепчет: - Деньги!

Глава 8. Я и лошадь, я и бык...

Даша

Внезапно меня охватывает тихая отчаянная злость. Какого хрена мы должны бояться какого-то деревенского воришку, который решил обчистить якобы бесхозный дом?

- Да не, вряд ли он в чулан полезет, - рассуждает рядом баба Люся. - Там сплошной хлам и пыль. Да и замок крепкий, амбарный, просто так без шума не вскроешь. Да и мы же на то и рассчитывали, что если кто надумает пожить-ся, то первым делом посмотрит только на жилое помещение! Ведь люди как обычно рассуждают - мол, какой идиот станет ценности хранить в чулане или сарае? Засмеют ведь!

- Всё равно надо что-то с этим делать, - сердито шепчу я. - Один раз спустим, так к нам и другие повадятся шарить. - Это верно, - соглашается она. - Тем более, в деревне слухи быстро расходятся. Особенно о безнаказанности и дармовщинке. И о том, что мужика в доме нет.

- Мужика, значит, нет? - повторяю тихо. Предательски красивое лицо Владана снова появляется перед глазами и опять исчезает под шквалом моей злости. - А мне мужик больше не нужен, баб Люсь. Буду жить теперь, как в старой поговорке! Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик. Давай покажем этому воришке, где раки зимуют!

Вдохновившись собственными словами, я выхватываю из

заросшей паутиной печки черную от копоти чугунную сковородку. Затем толкаю наружу дверь в сени, натыкаюсь на кого-то высокого...

И с размаху впечатываю плашмя в ночного врага свое оружие.

- Х-хой! - хекает он несчастным голосом алкаша Кондратия.

В следующее мгновение темная долговязая фигура складывается пополам и стонущим кулем валится на пол прямо в сенях. А чугунная сковорода с грохотом выпадает из моих рук.

Господи, неужели я ему что-нибудь сломала? Вроде просто целилась плашмя по корпусу, но кажется, попала по бедру...

- Батюшки, это Кондрат, что ли? - ахает баба Люся. - Свят, свят... Дашуль, ты глянь, не покалечила ли.

- Я не знала, что это вы... извините... - бормочу сконфуженно-обеспокоенной скороговоркой. - Просто вы нас напугали! Кто же так вламывается в дом посреди ночи без предупреждения?

- У-уйй... моя нога-а... - завывает на полу страдающий Кондратий, но на вопрос всё же находит в себе силы прокричать: - Я ж из добрых побуждений, предупредить хотел..! Давеча вы деньги свои засветили перед Михеем, так он сразу же Председателю всё растрепал на вечерней сходке. Ждите теперь незваных гостей... возможно, даже и сегодня.

Явятся, как пить дать!

От этой перспективы меня пробирает холодная дрожь, однако в ту же секунду жертва моей сковородки делает неловкое движение и снова со стонами хватается за ногу.

- Так дело не пойдет, - сердобольно ворчит баба Люся. - Давай-ка пострадальца нашего в дом заведем. Раз, два... взяли!

Вместе с ней мы помогаем Кондратию подняться, держа его за подмышки, и он с охами-ахами кое-как умудряется дохромать до старого продавленного кресла в зале. Баба Люся морщит лоб, сильно озаботившись только что озвученным предупреждением.

- А может, тогда того... в полицию обратиться?

- И что мы им скажем? Они заявление даже не примут, скажут, что раз фактического ограбления не было, то и состав преступления отсутствует.

- Тогда съездить в банк райцентра, туда все сбережения положить, и дело с концом!

- Думаю, нам надо сделать так, чтобы о них вообще все забыли...

Я медленно хожу туда-сюда по маленькому залу и сосредоточенно размышляю. Насчет банка идея хорошая, но что-то меня всё равно беспокоит.

Давай, Даша, думай... просто выключи эмоции и включи мозги. Не зря же начальник в свое время так хвалил твои аналитические способности и даже предлагал работать по

удаленке? Надо, кстати, с ним не забыть связаться...

- Где-то у меня тут аптечка была, - копошится тем временем в сумке баба Люся и вытягивает наконец предмет своих поисков. - Антисептик, гель от ушибов, плотная повязка... ага, есть. Вот что, Кондрат, стягивай свои штаны. Надо гематому твою обработать и кость посчупать...

- У-уй, блядь, больно-то как! - слышится новое завывание с кресла.

- Ну-ка цыц! Ты мужик или не мужик? - затыкает его укор пожилой женщины. - Терпи уж! И не матерись мне тут. Чай не в подворотне... Цела у тебя кость, успокойся. Хорошо бы, конечно, рентгеном проверить, но это в травмпункте только. А вот ушиб сильный, давай-ка помажем здесь гелем противовоспалительным...

Их суету я слушаю вполуха - слишком напряженно анализирую создавшуюся ситуацию. Слова бабушки запустили интересную цепочку мыслей. И к тому моменту, когда распухшая от удара ляжка Кондратия оказалась замотанной в эластичную повязку, у меня в голове начинает прорисовываться другая идея.

- Давай с банком и полицией пока повременим, - предлагаю я бабе Люсе. - Деньги спрячем где-нибудь подальше в подполе... А потом запустим через Кондрата и соседа слухи, что ночью в дом кто-то влез и обокрал нас. Скажем, что подозрительная машина нас преследовала еще с самого города, когда мы сейф в такси загружали. И мы заметили ее возле

нашего дома прошлым вечером.

- Что-то больно мудрёная выдумка, - жалуется Кондратий и тут же машет рукой: - А хотя ладно, без разницы, слухи и не такие странные бывают. Меня теперь больше своя проблема волнует... Инвалид, считай, недели на две! Хуй... э-э... - он бросает нервный взгляд на бабу Люсю, - ...хрен знает, как теперь бытовуху тянуть буду, один ведь живу! Пожрать там, баню истопить... эх, беда! Может, приютите ненадолго? В качестве моральной компенсации! Я у вас типа... ну, мужик как бы в доме. Отпугивать своим наличием лиходеев всяких буду. А?

Глава 9. Самый темный час перед рассветом

Даша

Они пришли под самое утро, как Кондратий и предостерегал. Два лобастых деревенских увальня с распухшими от злоупотребления самогонкой физиономиями. И самое страшное в том, что эти типы даже не скрываются - самоуверенно открывают ворота и входят во двор.

Однако Кондратий неожиданно рад им, даже морщиться от боли прекращает.

- Отлично, самых тупых послал. Сделайте личики по грустнее.... Или заплачьте, если получится, когда в дом войдут.

При мысли о том, что эти типы начнут топать по полу и разбудят моего сына, я подскакиваю на месте. Материнский инстинкт - удивительная штука, глушит страх напрочь.

- Ну уж нет! Сама к ним выйду.

- Дашуль... - встревоженно зовет баба Люся, но я уже выскакиваю в сени.

Незванные гости останавливаются на пороге, услышав звук моих шагов. И с внезапным приливом какого-то отчаянно-го вдохновения я бросаюсь прямо к ним, как будто безумно рада их видеть.

- Слава Богу! Хотя какие-то нормальные мужчины! - восклицаю я и, не дав им вымолвить ни слова, принимаюсь взахлеб жаловаться: - Помогите нам, пожалуйста, найти грабителей... это какой-то кошмар! Представляете, вломились к нам ночью двое в черных масках и нагло забрали личное имущество - деньги, ценности... совсем совесть потеряли! Напугали до ужаса и вдобавок покалечили нашего знакомого, который помогал нам с переездом...

Пока увальни озадаченно разглядывают меня, из глубины дома доносится слабый голос решившего подыграть мне Кондратия:

- Витька, Гришка, это вы, что ли?

- Ну... - гудит один. - Чё тут за дела вообще, Квадрат? Не понял...

- Да я шел мимо и увидел, как в дом лезут какие-то борзые, с виду не из наших. Заглянул проверить, поинтересоваться, а меня... гм... того. Вырубили.

- Спасибо Кондрату, что заглянул, нас одних не оставил! - перебиваю я его поспешно, пока он не наплел еще чего-нибудь, что придется запоминать во избежание путаницы.

Баба Люся выглядывает в сени с подозрительным видом. Изображать дружелюбие она даже не пытается. Я начинаю опасаться, как бы она не ляпнула что-нибудь противоречивое на нервной почве, но тут на столе в её сумке раздается резкое жужжание телефона. И почти сразу же следом - хныканье моего проснувшегося малыша из спальни.

- Минуточку... - я спешу к нему, почти перестав обращать внимание на бубнеж мужских голосов за стеной. Беру сына на руки, даю ему грудь и равномерно покачиваю несколько минут.

А потом слышу в соседней комнате приглушенный голос бабы Люси, остановившейся возле печки с телефоном:

- ...кто? Ах, вот оно что. Ну здравствуй, Владан Романович!

При звуке этого имени у меня сердце заходится в груди драматическим набатом. Делаю шаг к двери на ослабевших ногах. Вопросительный бабушкин взгляд встречаю отчаянным мотанием головы.

Нет, нет, нет! Только не выдавай ему, где мы! Не хочу его сейчас видеть. Пожалуйста...

- М-м... - неопределенно мычит она в трубку. - Дарья Алексеевна-то? Она, кажется, собиралась куда-то поехать отдохнуть в тишине. А я сама наследство сестры поехала обживать... - и после долгой паузы, пока собеседник что-то говорит ей низким, гудящим от напряжения голосом, добавляет с раздраженным вздохом: - Послушайте старую женщину, Владан Романович. Я видела, в каком состоянии была ваша жена. Не давите на нее, Бога ради! Дайте девочке время всё обдумать. Вы вообще в курсе, какая нездоровая психологическая атмосфера у вас дома сложилась? Удивительно, что Дарья Алексеевна раньше не сбежала!

Ответ мужа, несмотря на то, что баба Люся стоит далеко-далеко, я слышу прекрасно. Потому что он уже не говорит, а

рычит своим особо низким, вибрирующим тоном:

- Время? Ну конечно, я дам ей время... Только сразу после того, как найду ее! И р-разберусь с ее состоянием. Плотнo и дотошно.

Буква «р» транслирует у него при этом такие угрожающе-рычащие ноты, что меня пробирает бессознательный испуг. Это в каком смысле он там задумал плотнo и дотошно разбирать мое состояние?..

Глава 10. Путеводная нить

Князь

Мой мир никогда не будет прежним.

Мысль о трагической гибели моей жены расколола его пополам, и даже после понимания своей ошибки я никак не могу очухаться. Уже лет десять как бросил курить, а сейчас стою с сигаретой и дымлю, словно проклятый. Сверлю оцепенелым взглядом безрадостную ночную панораму за окном террасы и понимаю, что квартира без моей Дашки кажется мёртвой.

И это - несмотря на то, что из ванной доносится шум льющейся воды...

Мать оккупировала ее час назад, так и не сказав мне ни слова, когда я забрал ее поздно вечером из психодиспансера. Она сохраняла на лице каменное выражение, и даже изрядно потрепанный вид не мешал ей выглядеть оскорбленной королевой в изгнании.

Заведующий отделением шепнул мне перед уходом, что ошибки ошибками, но нервы моей родительницы не помешает подлечить. Потому как буйствовала она так, что умудрилась вырвать целый клочок волос из челки дежурного санитары и чуть не вывернула его ухо наизнанку. Беднягу даже пришлось срочно отправлять в травматологию. Так что именно поэтому мать в итоге и закрыли в отдельной палате,

утихомирив крепкой дозой седативного препарата.

И только запоздалое возвращение ее знакомого главврача Вениамина Павловича из служебной поездки в министерство здравоохранения реабилитировало буйную пациентку в глазах санитаров.

Все эти мысли мелькают в голове за какую-то долю секунды и снова исчезают под натиском глухой угрюмой тревоги.

Моя нежная любимая глупышка... где ты сейчас? И куда ты увезла нашего сына?

Я в последний раз затягиваюсь ядовито-жгучим дымом и с раздражением даблю окурок в красивом фарфоровом блюде, заменившем мне пепельницу. Затем быстро набираю на телефоне начальника службы безопасности.

- Ну что там с досье? - спрашиваю требовательно, перебив его вежливое приветствие.

- Сейчас перешлю файл, Владан Романович.

В ожидании уведомления мессенджера я перебираю в памяти все шаги, которые предпринял в поисках жены.

Номер престарелой санитарки Людмилы был указан в данных, которые Дэн собирал на нее по указанию моей матери. Правда, вспомнил о нем я не сразу, потому что после инцидента со старухой из рухнувшего аварийного дома мой телефон начал терроризировать главврач психодиспансера. Он настаивал, чтобы я срочно приехал за матерью и сгладил последствия недоразумения. А учитывая, что всё произошло по её вине...

Словом, злой, как черт знает кто, я поехал ее забирать, но вызволение затянулось из-за ловушки бюрократических правил, в которые она угодила. В ответ получил от матери полный игнор, густо замешанный на ее злости за мое промедление.

Впрочем, это меня мало задевает. Даже наоборот. Сама того не понимая, мать оказала мне услугу - фактически самоустранилась, не мешая заниматься поисками жены.

Короткий звуковой сигнал, и перед глазами открывается электронное поле досье на бывшую санитарку.

- Иванова Людмила Прохоровна... - цежу вслух, нетерпеливо шаря глазами по строчкам в поисках номера телефона.

Вот он!

Мельком бросаю взгляд на часы - уже глубокая ночь для звонка, - и морщусь. А не всё ли равно, поздно или нет? Речь идет о безопасности моей жены, так с чего меня должен заботить чей-то сон?

Гудки длятся долго. И отсутствие информации о том, что происходит там, на другом конце мобильной связи, бесит неимоверно. Молча скриплю зубами и жду.

Звонок принимают спустя целую вечность.

- Алло-о? - недовольно дребезжит смутно знакомый старческий голос. - Вы кто? Что вам...

- Людмила Прохоровна, - перебиваю ее властно. - Это ведь вы?

- Она самая. А вы кто?

- Князев Владан Романович. Муж Даши, - резко бросаю я. - Где она?

- Ах вон оно что! - будто не слышит вопроса бабка, серьезно испытывая мое терпение. - Ну здрасте, Владан Романович!

От жгучего тяжелого раздражения темнеет в глазах.

- Где... моя... жена? - медленно, чуть ли не по слогам рычу я в трубку.

Пластик под пальцами издает жалобный треск, и только сила воли не дает мне раскрошить второй подряд девайс к чертям собачьим.

Сила воли... и понимание того, что в моей руке сейчас находится та самая путеводная нить, что ведет напрямую к пропавшей Даше.

Бывшая санитарка, ныне пенсионерка, не спешит радовать меня информацией. Мнется, удлиняя и без того подозрительно долгую паузу, а потом натянуто бормочет:

- М-м... Дарья Алексеевна-то? Она, кажется, собиралась куда-то поехать отдохнуть в тишине. А я сама наследство сестры поехала обживать...

- Людмила Прохоровна, - прерываю ее резко. - Не стоит играть со мной в болтологию. Я в любом случае выясню местонахождение Даши, и если вы сейчас пудрите мне мозги, то гарантирую - вы об этом пожалеете. Серьезно.

- Послушайте старую женщину, Владан Романович, - вздыхает она укоризненно. - Я видела, в каком состоянии

была ваша жена. Не давите на нее, Бога ради. Дайте девочке время всё обдумать. Вы вообще в курсе, какая нездоровая психологическая атмосфера у вас дома сложилась? Удивительно, что Дарья Алексеевна раньше не сбежала!

Напоминание о том, что моей жене пришлось испытать в этот поганый день, заставляет меня скрипнуть зубами.

Главный врач психодиспансера - Вениамин Павлович, - вполне ясно дал понять перед выпиской матери, что та намеревалась отправить Дашу на обследование в лечебницу под предлогом тяжелой послеродовой депрессии. И вряд ли она сейчас понимает последствия, изображая обиду и бойкот.

И даже не догадывается, какие сюрпризы ее ждут в отношениях с собственным сыном...

Потому что одно дело - практиковать на мне манипуляции, к которым я равнодушен. И совсем другое - выживать из квартиры женщину, которая стала для меня самым дорогим существом в этом мире холодного цинизма и фальши. Так что мать очень скоро осознает, какую ошибку совершила, встав между мной и Дашей.

Одна мысль о том, что именно это стало последней каплей для и без того обиженной жены, приводит в лютую ярость.

- Время? - повторяю я взвинченно. - Ну конечно я дам ей время... Только сразу после того, как найду ее! И разберусь с ее состоянием. Плотнo и дотошно, - и, помолчав, гораздо тише добавляю: - Никто ее больше не обидит и не потревожит. Я прослежу, чтобы никто и никогда не...

- Ну вы и дурак, Владан Романович, прости Господи, - буркает вдруг пенсионерка.

На секунду возникает впечатление, будто я ослышался.

- Что вы сказали?... - угрожающе медленно цежу в трубку, наливаясь черным гневом.

- Я говорю, развалится ваш брак, Владан Романович, - быстро поясняет бесстрашная собеседница. - Ну, если продолжите в том же духе искать виновных в вашей размолвке на стороне. Ясно же, кого от Дарьи Алексеевны сейчас в первую очередь надо держать подальше. Очень жаль, что вы не можете ее защитить...

- Моя мать больше не будет гостить у нас без приглашения моей жены, - отрывисто бросаю я.

- Хос-с-спади Боже мой, да не о ней речь!

- Тогда выражайтесь прямо, а не намеками, Людмила Прохоровна.

- Хорошо. Вам необходимо защитить свою жену... от себя самого.

Глава 11. Слово тёще

Князь

- Владан! - прорезается-таки на следующее утро холодный голос матери в прихожей. - Тебя что, совсем не волнует то, что я пережила? Хоть бы сказал что-нибудь перед уходом!

Я придерживаю дверь, стоя на пороге, и оглядываюсь.

Вот она - женщина, которая произвела меня на свет. Такая, какая есть. Высокомерная, гордая, беспринципная. И единственное, что ее заботит сейчас после того, как она сама заварила кашу с психодиспансером - это недостаток моего внимания.

- «Что-нибудь» я тебе собирался сказать чуть позже, но ладно, - мрачно цежу сквозь зубы. - Скажу прямо сейчас. При всём моем уважении, мама... собирай свои вещи и возвращайся к себе. Немедленно. А захочешь снова приехать ко мне в гости, то отныне тебе придется сначала получить прощение и согласие. Причем не мои, а моей жены. Если я отыщу ее и верну домой... - тут же обрываю себя и с яростным нажимом поправляю: - Нет, не если, а когда.

- Владан! - возмущенно ахает мать. - Как ты грубо начал со мной разговаривать! Вчера у меня был отвратительный день... самый отвратительный в жизни! А ты... ты вместо элементарного сочувствия требуешь выметаться прочь? И это мой родной сын?! Какой кошмар. Просто в голове не укла-

дывается...

- Я все сказал. Ты меня слышала - и, надеюсь, услышала.

Резко разворачиваюсь и выхожу из квартиры, оставив дверь открытой. В висках пульсируют тяжкие, угрюмые мысли, которые из-за недосыпа и раздражающе острого недовольства собой разъедают меня изнутри, словно яд. Тупо раздражает все вокруг. Холодная пасмурная погода с ебучим колким дождем... недовольные серые лица прохожих...

И зрелище собственной мрачной рожи в зеркале заднего вида, когда я сажусь в свою служебную машину.

Обычно по утрам я обмениваюсь с водителем небрежными формальными замечаниями о погоде и новостях. Но сегодня я угрюмо молчу, так что это молчание прерывать он не смеет, опасливо поглядывая на меня время от времени.

И правильно делает.

В офисе сразу же запираюсь в собственном кабинете. Голос Ирины Петровны, моей новой пожилой секретарши, догоняет в спину с запоздалым приветствием, но я его игнорирую и на некоторое время зависаю возле собственного окна с видом на главную площадь города.

Внутренний телефон на столе звонит несколько раз, но я остаюсь неподвижным. То и дело люто затягиваюсь очередной сигаретой, пока от едкого дыма не начинает тошнить. Раздраженным щелчком вышвыриваю ее в окно и слышу, как внизу сразу после этого наш офисный охранник начинает материться. Видимо, ему на голову окурок приземлился.

Я должен спасти Дашу от себя самого, значит? Это как вообще понимать, блядь, вывернуться наизнанку и наступить себе на горло? Что за...

В дверь стучат. Так и не получив реакции, в кабинет спокойно заглядывает флегматичная, как черепаха, Ирина Петровна.

- Владан Романович, не смогла до вас дозвониться, а график на день надо согласовывать с утра. Как вы сами мне и велели. На сегодня запланированы встречи с поставщиками и санэпиднадзором... Этот график без изменений?

- Нет, - цежу сквозь зубы. - Пока все дела и встречи переключите на Леонида, моего личного референт-помощника. Если возникнет форс-мажор, он сам со мной свяжется.

- Как скажете, - она делает движение, собираясь закрыть дверь, но внезапно для самого себя, я ее останавливаю.

- Ирина Петровна.

- Да? - вопросительно притормаживает она.

- Женское мышление не всегда блещет логикой на эмоциях, - медленно говорю я, не отрывая невидящего взгляда от окна. - Мне нужен ваш совет... Куда бы вы направились в первую очередь, если бы вы в молодости обиделись на мужа и решили уйти... и если бы у вас на руках был маленький ребенок?

- К своей матери разумеется, - не раздумывая, отвечает секретарша.

- Даже если у вас с ней не слишком теплые отношения?

Ирина Петровна снисходительно пожимает плечами.

- Когда речь идёт о маленьком ребенке, а жить больше нигде, с подобными вещами обычно миришься и терпишь. С другой стороны... чисто гипотетически, если бы у меня было достаточно денег, то я бы сняла себе удобное жилье и ни о чем не переживала. Это вопрос материального достатка, Владан Романович.

Помедлив, я холодно киваю.

- Ясно. Вы свободны.

Мысль о матери Даши и раньше приходила мне в голову, но моя жена с ней практически не общалась. И я знал, что Даша предпочтет скорее трудности, чем позволит своей матери снова как-то участвовать в её жизни.

Тем не менее, еще вчера я отмел эту версию простым телефонным звонком. Потому что Раиса Ивановна - на вопрос, не в гостях ли у неё дочь, так натурально изумилась, что сомнения в правдивости ответа на тот момент отпали сразу же.

Блиzkих подруг у Даши не было, а к обычным знакомым приятельницам она бы вряд ли напросилась с малышом, учитывая ее характер.

Что касается аренды, то на выбор подходящего съемного жилья чисто плотному человеку обычно требуется времени гораздо больше, чем сутки. Плюс гостиницы и хостелы Дэн прочесал в первую очередь. Всё безрезультатно.

Так что всё же к мнению опытной пожилой женщины - такой, как моя новая секретарша, - стоит прислушаться и по-

говорить с тещей снова.

На этот раз лично.

Поначалу моему появлению Раиса Ивановна радуется.

Как назло, именно сегодня у ее сожителя Пети - патлатого манерного дрыща с жидкой бороденкой на уныло заостренной физиономии, - вовсю празднуется день рождения. Так что я застаю их обоих тихо бухающими на кухне.

Бутылка недорогого шампанского, бюджетный коньяк, колбасно-сырная нарезка, салатики... чересчур терпкий запах тещиных духов...

И всё это под какое-то дурное арт-хаусное кино на заляпаном крошками ноутбуке.

«... давайте жить дружно... - говорит кто-то с экрана в тихой грустной манере кота Леопольда из древнего мультфильма. - К чему эти подъёбки и намёки, неужели нельзя общаться тактично и нормально... по-человечески?»

«Не вали с больной головы на здоровую, овца! - перебивает его наглый самоуверенный голос. - Тактичность и вежливость - это метод лжецов и слабаков. Именно они разваливают коллектив. А вот мы - восхитительно грязные хамы и прекрасно подлые стервы, - приносим всем только пользу! Слабых-робких затыкаем и контролируем... приспособленцев приспособляем повыше - смотря как поддакивать и льстить активно будут... ну а с сильными договариваемся. Или воюем. Закон джунглей в действии!»

- Во! Золотые слова современности... - важно комментирует Петя и аккуратно опрокидывает стопку коньяка в свой лягушаче широкий рот. - Валять в дерьме наивных добрячков - можно и нужно. Ибо их модель поведения абсолютно нежизнеспособна в человеческом обществе. Са-а-агласны..?

Я с брезгливым равнодушием рассматриваю его мутноглазую самодовольную рожу и оставляю вопрос без ответа.

Тем временем теща развязно суетится, предлагая мне то бокал, то рюмочку и пододвигая закуски. А когда я от угощения отказываюсь, она заметно киснет и слегка заторможенно от выпитого спрашивает:

- Ну как там моя Дашуня с внуком.. нашлись?

- Нет.

Я внимательно оглядываю квартиру тещи.

Ни малейших признаков присутствия в доме грудного ребенка нет. Тут не так много комнат, чтобы успеть скрыть следы при таком внезапном вторжении незваного гостя, вроде меня. Следовательно, теща говорила правду.

Тем не менее, какие-то полезные сведения о местонахождении дочери у нее вполне могут быть...

- Ума не приложу, как ей могло взбрести в голову шляться вне дома с младенцем! - жалуется она и грузно плюхается на кухонную софу с изогнутой спинкой. - Уверена, во всем виновата тетя Люся. К богатенькому правнуку примазаться захотела. Ишь, в няньки к нему решила податься... тьфу! Аж противно от ее меркантильности! Кстати... - переходит те-

ща на более мягкий доверительный тон. - Владик, дорогой зять... мне бы суммочку умеренную одолжить у тебя на очень важную поездку... немножко не хватает...

- Да-да, - мгновенно оживает разомлевший от коньяка именинник Петя. - Мы просто обязаны продолжить мою днюху на Бали! Там будет сбор мастеров фиолетового курса, причем вплоть до уровня «суперхам»! Такое пропустить никак нельзя, Вла...дан Романович...

Я продолжаю сверлить тяжелым взглядом тещу, не обращая внимания на посторонние темы.

- Вы сказали... тетя Люся..? А её полное имя случайно не Иванова Людмила Прохоровна?

- Да, - кивает она с недовольной гримасой. - Встретила ее недавно гуляющей вместе с Дашей в парке.

- Так она ее бабушка?

- Да, только двоюродная. Близкая родня родной бабки - той, что в наследство свой домишко в Гадюкино отписала Дашке. Не удивлюсь, кстати, если они туда и намылились. Обе к деревенской глуши неровно дышат, ненормальные!

Всё внутри от такого известия цепенеет.

Гадюкино. Она сказала - Гадюкино... Место, где Даша может снова столкнуться с моей бывшей секретаршей Нонной. Блядь... что за день... теперь еще и эту версию проверять.

Резко развернувшись, иду в прихожую и щелкаю замком. Раиса Ивановна настойчиво спрашивает в спину:

- А как насчет суммочки любимой теще на отпуск, Вла-

дик?

М-да...

Одно дело - оплатить малость оборзевшей матери жены евроремонт в квартире... и совсем другое - спонсировать на Бали курсы какого-то тупого хамства и большой стервологии. Обойдутся, пожалуй.

Я стискиваю ручку и молча захлопываю за собой дверь.

Глава 12. Незванная гостья

Даша

Утро я встречаю невыспавшейся и настороженной.

Нормально отдохнуть так и не удалось, и неудивительно. Хотя наши туповатые незванные гости - Витя и Гриша, - убрались восвояси довольно быстро, даже не подумав хотя бы для приличия обосновать свое вторжение, я потом долго не могла уснуть. Всё думала о звонке своего разозлившегося мужа. А когда сонливость наконец накрыла с головой, проснулся мой малыш и потребовал внимания.

- Так, - на пороге возникает крепкая коренастая фигура бабы Люси. - Пора браться за дело, Дашуль. Порядок в доме надо навести. Ты пока с Васенькой во дворе погуляй, а я со спальни начну. Нельзя маленькому в такой пылище жить.

Это верно. Влажную уборку в этом доме делали, наверное, в последний раз перед самыми похоронами прежней хозяйки, и на всех поверхностях скопился серый слой приличной толщины. Но баба Люся в её возрасте, да еще и с прогрессирующим тремором рук, не сможет справиться. А вот мы вдвоем - вполне. Вот только с Васей что делать...

- Давай меняться будем каждые полчаса, - предлагаю я, поразмыслив над фронтом работ. - Будем убираться по очереди. А потом баню затопим. Я во дворе дрова видела.

Сказано - сделано.

Какая-никакая система водоснабжения в доме есть. Спасибо старой администрации райцентра, которая в последние годы бабушкиной жизни решила модернизировать быт ближайших деревень и вписалась в программу строительства артезианской скважины и общих водонапорных баков.

Несколько долгих секунд подача воды барахлит, когда мы ее запускаем в кране на кухне. Слишком уж долго никто им не пользовался. Цвет струи сначала идет желтовато-серый от ржавчины, и мы некоторое время просто ждем прозрачности.

- Чего вам в такую рань не спится? - раздается с печки страдальческий мужской хрип.

Мы с бабой Люсей дружно вздрагиваем. Совсем позабыли, что ночью пострадавший от моей руки Кондрат после ухода гостей умудрился тихо вскарабкаться на печку с помощью деревянной лестницы и там среди старых тряпок и газет вырубился.

- Тьфу ты, прости Господи! - сплёвывает баба Люся. - Напугал-то как... Генеральная уборка у нас, не видишь, что ли? Ребятенку чистота нужна!

- Дело хорошее, как раз по вам, - широко зеваает Кондрат. - Женской руки этому дому давно не хватает. Помог бы, да не могу по причине инвалидности, так что звиняйте...

И с болезненным кряхтением перевернувшись на другой бок принимается сопеть дальше.

Баба Люся качает головой.

- Ну что за народ пошел хлипкий... только на пугало от незваных гостей и тянет! Ничего, Дашуль, сами справимся. Главное - воды не жалеть!

Следующие несколько часов у нас проходят в бурной деятельности. По очереди мы намываем весь дом, вытряхиваем пыльные коврики в огороде, складываем в крошечном предбаннике гору белья, включая скатерть со стола и серые от многолетней грязи кружевные занавески.

Маленький Вася нам не мешает. После каждого кормления он засыпает, а во время бодрствования слишком заинтересован шумом уборки, чтобы капризничать.

К обеду мы так устаем, что уже и сил нет, чтобы баню затопить. От нашего вида даже у Кондрата просыпается совесть. Косится на нас с печки, косится... и слезает на пол.

- Отдыхайте, хлопотуньи, сам баню растоплю.

- А как же нога? - удивляюсь я.

- Отошла уже, - бурчит он. - На мне всё, как на собаке... - он стягивает с печи бабушкину палку-трость, бросает взгляд в окно и морщится: - Вот же нелегкая стерву принесла!

Я машинально смотрю на улицу и вздрагиваю от неприятного чувства узнавания. Возле калитки стоит, постукивая модным а-ля камуфляжным сапожком, она - Нонна.

Всё-таки та самая.

- Кондрат! Ты здесь? - зовет с улицы мелодичный голосок, и от его знакомого капризно-самоуверенного тембра меня пробирает неприятным холодком.

Не дожидаясь ответа, Нонна толкает калитку и направляется к нашим воротам. Я почти что на автомате разворачиваюсь к сениям и медленно выхожу. В отмытом до блеска зеркальце над умывальником у печки смутно мелькает мое побледневшее, как мел, лицо с пронзительно-колким взглядом.

- Даш, ты не волнуйся так...

Баба Люся что-то сочувственно говорит мне в спину, но я не воспринимаю ее слова. Совсем. Все мои помыслы сейчас сосредоточены на блондинистой макушке бывшей любовницы моего мужа, которая нетерпеливо протискивается в скрипучую створку проржавевших ворот...

И мне кажется, что даже издалека я чую сладковатый запах ее духов. Дорогих и для кого-то, наверное, приятных... но для меня - тошнотворных. Потому что ассоциативная память - страшная вещь.

- Чего это с ней? - удивленно интересуется за моей спиной у бабушки Кондрат.

Что она отвечает ему, от моего слуха тоже ускользает. Я стремительно выхожу во двор прямо в тапочках, совершенно забыв, что там холодно и слякотно. Да и плевать не неудобства, честно говоря. Гораздо важнее выкинуть мерзкую суку Нонну с моей территории.

Внутри клоочет гнев, помогая справиться с фантомом душевной боли. Никто больше не увидит прежнюю беззащитную Дашу. Никто и никогда. Особенно - эта блондинистая тварь, которая спровоцировала у меня преждевремен-

ные роды и чуть не погубила моего ребенка!

Без тени сомнения я печатаю шаги по голой и мокрой земле, не обращая внимания на всплески грязи. И успеваю к воротам как раз вовремя.

- Ты-ы?! - челюсть на хорошеньком сахарном личике Нонны некрасиво отвисает вниз, выдавая потрясение.

На секунду она вся буквально превращается в соляной столб, который ошалело моргает на меня густо накрашенными кукольными ресницами и безуспешно силится сказать что-то осмысленное.

Острым взглядом я отмечаю все изменения в её холеной внешности от жизни в деревне. Макияж наложен далеко не так эффектно, как раньше... под бесстыже-шалыми глазами - кое-как замаскированные тоналкой круги. То ли от недосыпа, то ли от переутомления. А между тонко выщипанных бровей залегла глубокая складка недовольства, как будто все последние дни Нонна непрерывно хмурилась.

Впрочем, самообладание она восстанавливает довольно быстро и с насмешливым вызовом вздергивает подбородок.

- Какие люди в Гадюкино нарисовались, ну надо же! Что, и тебя Влад тоже вышвырнул за ненадобностью? И пузожителя, небось, отобрал? - Пухлые алые губки с неровным рисунком помады расплзаются в неприятной ухмылке. - Добро пожаловать в реальный мир, безмозглый ангелочек! Ну и что ты теперь на это скажешь?

Я выслушиваю ее сумбурно-злорадные домыслы с нелег-

ким каменным спокойствием. А когда она умолкает, указываю на калитку и холодно бросаю ей в лицо:

- Пошла вон.

Глава 13. Босс свинофермы

- Да сдалась ты мне, убогая... я вообще-то с радостью сва-лю отсюда! - фыркает Нонна. - Знала бы, кто в этой разва-люхе поселился, ноги бы моей здесь не было. Просто знаю-щие люди мне подсказали, что местный халтурщик с золо-тыми руками теперь тут ошивается. Хотела его напрямчь па-рой дел... ну да ладно! Не больно-то и хотелось.

Она гордо разворачивается, вильнув высоко зачесанным длинным хвостом на макушке, но высокие тонкие каблуки её модных сапожек для деревенской грязи явно не предназна-чены. И они глубоко ввинчиваются в мокрую землю, значи-тельно подпортив презрительный пафос ухода незваной го-сти.

Нонна с усилием выдергивает увязнувшие каблуки, но это ей удастся не сразу и только с дополнительным грузом в виде массивных комков глины.

- Тупая деревня! Бесит... - доносится от нее раздраженное шипение сквозь зубы.

Эта высокомерная модница выглядит так нелепо, застряв в грязи посреди двора, что даже на меня при всём плохом настроении накатывает приступ тихого веселья. Глупее нее сейчас выглядела бы только анекдотичная крашеная блон-динка, облачившаяся для комариного турпохода по тайге в купальник и шлепки.

Услышав моей смешок, Нонна оборачивается, как ужаленная. По ее ненавидящему лицу заметно, что она вот-вот ляпнет какую-нибудь оскорбительно-оборонительную гадость. Но тут внезапно со стороны улицы раздается шум подъезжающей машины. А затем сразу же - короткий нетерпеливый сигнал.

Нонна мельком вглядывается в щель между воротами и мгновенно меняет планы. Так и не стряхнув грязь до конца, она неуклюже ковыляет по тропинке прочь. При этом обе двери - и у ворот, и у калитки, - оставляет настежь распахнутыми явно из принципа, надеясь досадить мне. Но её гордый демарш меня совсем не трогает и кажется даже каким-то инфантильно-детским.

Она хочет чтобы я закрыла за ней двери? Да пожалуйста! Заодно посмотрю, что за тип за ней приехал. Если всё то, что между делом рассказывал о ней Кондрат, действительно правда, то это вполне может оказаться тот самый оборзевший хозяин свинокомплекса, который тут всем заправляет.

Ловлю себя на мысли, что и меня не обошло стороной иррациональное женское любопытство. Именно оно так и подталкивает взглянуть, к какому мужчине прилепилась Нонна после того, как мой муж избавился от неё.

К калитке я подхожу ровно в тот момент, когда Нонна уже стоит возле солидного вездеходного джипа цвета хаки. Передняя пассажирская дверца распахивается, и из глубины сумеречного автомобильного салона на белый свет выглядыв-

вает щекастая краснолицая рожа какого-то толстяка.

Это мужчина лет сорока пяти на вид. Но он настолько обрюзгший, хмурый и физически непропорциональный, что вполне возможно, что на самом деле он гораздо моложе. Просто лишний вес и застывшая гримаса недовольства на лице никого не красят. Опущенные уголки губ, двойной подбородок, маленькие глазки - всё это обычно добавляет человеку лет пять сверху, не меньше. Не говоря уже о солидном пивном брюхе, туго распирающем пуговицы его пиджака.

М-да...

При виде такого экземпляра меркантильная основа новых отношений девушки прямо-таки сама напрашивается в выводы. Слишком сложно поверить, что за такой короткий срок подобный мужчина мог привлечь ее чем-то, кроме материальной выгоды.

- Котик! - бросается к нему Нонна. - Я так тебя ждала!

- Запрыгивай, - лениво приказывает ей «котик», а затем переводит на меня оценивающий взгляд маленьких, заплывших от жира глазок. - А это что за кадр..?

В ответ на этот вопрос из недр машины откликается совсем другой голос. Уже знакомый и раздражающе самоуверенный.

- Это та самая девка, я рассказывал, Харитон Анатольевич, - между спинками передних сидений возникает бледное пятно Михеевского лица. - Которая чей-то сейф сперла и внезапно решила поменять город на деревню. Ребята гово-

рят, что ночью уже за своим добром к ней кто-то наведался и конфисковал. Ну мутный явно случай, однозначно.

Ага, значит я угадала. Толстяк - это и есть местный бандюган, хозяин свинофермы Рыков. Или Председатель, как его все в Гадюкино называют с тяжелой руки помощника Михея.

- А-а....та самая, - Рыков снова принимается внимательно меня рассматривать. - Ну привет, расхитительница сейфов. Надолго в наши края или так, отсидеться после кражи в тихом месте?

- Не понимаю, о чем вы говорите, - безразлично пожимаю плечами.

- Ну как о чем, - кривит он толстые губы. - Если к нам внезапно приезжает странная городская баба, заселяется в заброшенный дом и просит вскрыть подозрительный сейф болгаркой известного на всю деревню умельца... то это о чем-то говорит.

- Этот дом мне достался в наследство от бабушки и решение жить в нем никак с этими вашими фантазиями не связано. А от своего сейфа я просто потеряла ключи. Но там были мои документы, вот я и попросила Кондрата помочь. Ничегоостранного в этом нет.

- Ну да, ну да... - с цинично-понимающей ухмылкой кивает толстяк, и его щетинистые щеки студенисто вздрагивают. - Потом этот сейф... с неким запасом денег, как мне говорили... благополучно умыкают из дома ночью какие-то левые чужаки. Удивительно, м-да?..

- Да нет, - иронически отвечаю я. - После того, как к нам еще в ту же ночь пришел без приглашения сначала Кондрат, а потом и... его знакомые... я перестала удивляться. Похоже, в моем доме посторонние любят ошиваться круглосуточно. Привыкли, что хозяев нет.

- Ладно, девонька, шутики в сторону. Я, знаешь ли, ч-чертовски не люблю, когда на моей территории хозяйничают посторонние... которые то ли были, то ли нет, и никто их в глаза не видел... - Рыков убирает с физиономии кривую ухмылку, внезапно демонстрируя свою опасную жестокую натуру под маской великовозрастного ленивого жирдяя. - Так, значит, сейф твой личный, говоришь, и его кто-то украл..? Что ж... если не врешь, то спокойно напишешь заявление ментам в нашем райцентре. А они и тебя проверят заодно. Для надежности.

Я выслушиваю это предложение со спокойствием, которого совсем не ощущаю. И внутреннее чутье подсказывает - если не соглашусь, то этот местный «хозяин жизни» прицепится уже всерьез и устроит мне массу проблем.

Да уж, заварила я кашу, выдумав кражу злополучного сейфа. Хотела отвадить ночных любителей лазить по чужим домам, вроде вчерашних... и навлекла на себя новые проблемы. Прямо горе от ума какое-то получается...

- Конечно, и так собиралась в райцентр, - я закатываю глаза вверх и вздыхаю. - Заявление напишу, если вас не беспокоит, что подозрение в краже и на местных жителей упадет.

На тех же Витю, Гришу и Кондрата... ну да ладно, мне без разницы. Съезжу на автобусе сегодня. Как раз в поликлинику райцентра надо на учет встать с маленьким.

- Маленьким..? - непонимающе хмурится Рыков.

Словно в ответ на его вопрос, из дома доносится требовательный плач Васи. И внезапно у меня возникает четкое ощущение, что мой опасный собеседник слегка растерялся. И неудивительно. Присутствие ребёнка очень часто обезоруживает даже самых агрессивных людей. Если они, конечно, не социопаты какие-нибудь с совсем большими отклонениями в психике.

- Да, сын у меня новорожденный, - подтверждаю я, чувствуя уже настоящее спокойствие. - Ушла с ним от мужа, вот и пришлось здесь поселиться. Поживу до развода, а там посмотрим.

При этих словах личико притихшей на пассажирском сиденье Нонны заметно вытягивается. Видимо, она не ожидала, что кто-то может уйти от Князева по собственной воле. По себе судила, ну-ну.

А вот Михея новость о разводе, кажется, наоборот живо заинтересовала. Вон как уставился на меня своими шальными цыганскими глазами.

- Мне надо идти, ребёнок есть хочет, - сообщаю я вежливо и отворачиваюсь, чтобы уйти. - Всего вам доброго...

- погоди, - останавливает меня Рыков, чуть морщась от какого-то явного внутреннего дискомфорта. - Не надо своего

мелкого туда-сюда таскать на себе, ни к чему это. Машины у тебя нет, а автобус из Гадюкино в райцентр всего два раза в день ходит. Утром и вечером... Так что, если в поликлинику реально сегодня надо, то Михей тебя сам отвезет туда и обратно.

Его переход от агрессивной подозрительности к внезапному приступу филантропии ошеломляет нас с Нонной почти одинаково сильно. Пару мгновений я просто моргаю, переваривая удивительную метаморфозу. Потом настороженно тяну:

- За предложение, конечно, спасибо, но мы лучше на автобусе поедем. Завтра утром.

- Гордая, да? - хмыкает Рыков и задумчиво скребет аккуратно подстриженными ногтями щетину на жирном подбородке. - Чем тебе Михей на машине не угодил?

Пока я тяну с ответом, тот сам подает голос и поясняет своему работодателю:

- Она меня боится, Харитон Анатольевич, - и с циничной задушевностью поворачивается ко мне. - Ничего я тебе не сделаю, забей. А чтоб спокойнее было, бабушку свою возьми за компанию. Так во сколько, говоришь, за вами заехать?

Глава 14. Вирус мужского внимания

Даша

Баба Люся реагирует на новость очень настороженно. Хмурится и повторяет скептически:

- Предложил поехать в поликлинику на машине того наглого шпандюгана? Чудной какой. Хм... кстати, а у поликлиники в райцентре еще как раз часа четыре есть до конца рабочего дня...

- Да, но без тебя я не поеду. Рядом с этим типом мне как-то не по себе.

- Еще бы, - хмыкает она. - Мужичонка жрет тебя глазами так, что того и гляди - слюна изо рта потечет. Это я сразу заметила.

- Да это у него натура такая, видно же, - качаю я головой. - Таких интересуют все юбки подряд по умолчанию, если они с виду не очень сильно выбиваются из общепринятого стандарта. Такая своеобразная, знаешь... гонка мужского ЧСВ за количеством, а не за качеством...

- Ну не скажи, - перебивает меня хриплое хмыканье с печки. - Михей не на всякую бабу западает, вкусовщина у него разборчивая очень, посерьезней многих будет...

Я недоверчиво кошусь на Кондрата, еле различимого в

темном углу, который тот, похоже, облюбовал прочно и основательно на весь ближайший период своей тазобедренной травмы.

- Да неужели? Тогда не понимаю, с чего бы ему на меня внимание обращать. Я совершенно обычная и ничего такого во мне нет, чтобы угодить его «разборчивой вкусовщине».

- Святая наивность! У тебя есть то, на что Михей падок больше всего.

- И что же?

- Простота твоя бабская. Ну там в смысле, как щас модно говорить, абсолютная женская естественность. В чем-то даже совсем детская... - Кондрат с подвыванием зевает, несколько секунд шумно возится на печке, а потом спрашивает слегка заискивающе: - У вас тут самогончики или чего покрепче часом не найдется, а? Мочи нет, как пить охота!

- Забудь о выпивке, неугомонный, - разочаровывает его баба Люся. - Ничего такого у нас не водится, а ты в качестве символа мужика в доме сам напросился, так что терпи теперь. Печеночка твоя алкоголическая только спасибо скажет! Ты нам вообще-то баньку обещал истопить. Вот и займись делом, пока мы с Дашулей в поликлинику съездим...

Своего малыша я собираю в дорогу быстро. Это поразительно, но он снова спит, уже который раз за день. Наверное, это как-то связано с его недоношенностью, из-за которой юный организм компенсирует недостаток внутриутробного уюта с помощью крепкого глубокого сна. В любом слу-

чае я полна решимости как можно скорее начать стандартное врачебное наблюдение с анализами, чтобы быть полностью спокойной за здоровье сына.

Чувствую, конечно, что от педиатра мне нехило влетит за импульсивное переселение с таким маленьким ребенком... но чему быть - того не миновать. Переживу. И буду двигаться дальше. Финансов на первое время хватит, и это даже не считая неожиданного запаса денег из сейфа Князева.

Деньги...

Споткнувшись на этой мысли, я останавливаюсь во дворе перед воротами и смотрю на бабу Люсю.

- Ты уверена, что Кондрат нас не обчистит за время нашего отсутствия? - шепчу ей тревожно.

- Этот алкаш? - приглушенно хмыкает она. - Нет, не сумеет. Утром, пока он дрых, я наш сейф за старой навозной кучей прикопала. Прямо в зарослях бурьяна... Но доверять мужичонку этому всё равно не будем! Чую, прибился он к нам не просто так, а как соглядатай по указу этого мафиози недоделанного.

Я хмурюсь и, скрепя сердце, понимаю, что бабушка вполне себе может оказаться права в своих подозрениях.

- Если это правда, то зря мы его тогда приютили. Не надо было жалеть.

- И ничего не зря. Пока он с нами, ночные гости больше в дом не полезут. Всем спокойней, да и Председатель в иллюзии, что держит всё под контролем и никаких сюрпризов

от нас не будет.

Машина Михея оказывается гораздо менее эффективной, чем он сам. Обычная подержанная иномарка болотного цвета, правда, с качественно обновленной внутренней отделкой.

- Ну и завела же ты нашу Нонночку, - с ухмылкой заявляет он мне, пока мы с бабой Люсей усаживаемся на заднее сиденье. - Нудит теперь безостановочно, мозг Харитону Анатольевичу компостирует.

- А я каким боком в их отношениях? - безразлично отзываюсь я.

- Да никаким. Ты там косвенно. Просто Нонна, оказывается, собиралась сегодня попросить напрямчь меня в качестве ее личного водителя, в город съездить по делам. Вот теперь и спохватилась, что опоздала с просьбочкой... Хотя странно, конечно, что у нее за дела вдруг там резко нарисовались. До сегодняшнего дня она даже не заикалась ни о чем таком, - Михей подмигивает мне своим черным глазом и добавляет: - Наверное, на ходу выдумала, чтобы я тебе не достался. Не намекнешь, кстати, что за кошка между вами пробежала?

- Нет, - лаконично отрезаю я.

Намерение Нонны вдруг сорваться зачем-то в город настораживает меня. Очень уж это похоже на то, как будто в ней вспыхнула надежда вернуть теплое местечко возле Князева... или в его постели.

И хотя сейчас, когда я пришла к решению развестись с мужем, это не должно меня заботить... на сердце всё равно

разливается горечь. Как будто я заново испытываю дурное предчувствие измены. Терзаюсь в мысленном аду тех месяцев, когда хорошенькая секретарша появилась в офисе Князева и постоянно крутилась возле него...

...а потом нахально ответила по его телефону на мой роковой звонок.

Погрузившись в свои мысли слишком глубоко, настойчиво-сверлящий взгляд Михея через зеркало водителя я замечаю с опозданием. И поворачиваю голову к окну, избегая его.

- Крепкий орешек в молчаливом омуте, - вдруг со вкусом звучно цокает он языком. - М-м... люблю таких...

- Эй, любезный! - недовольно пресекает его игривый настрой баба Люся. - Ты нас в поликлинику повезешь или нет? Врачи люди занятые, между прочим, очереди у них вечные. Некогда нам твое любвеобилие терпеть, ребятёнок у нас на руках, не видишь, что ли?

- Да едем, едем уже, - с досадой отвечает Михей.

Он неохотно заводит машину, бросив на меня напоследок еще один долгий взгляд. Я чувствую его боковым зрением. И меня пугает то, что от него исходит...

Эгоистичное мужское предвкушение.

До райцентра мы добираемся быстро, буквально минут за пятнадцать.

От обычной деревни, вроде Гадюкино, он отличается заметно развитой инфраструктурой - два популярных сетевых супермаркета, одно банковское отделение, несколько аптек

плюс маленькая двухэтажная поликлиника.

Ну и, конечно, заметно выделяется на фоне маленьких частных домишек жилого сектора группа четырёхэтажных квартирных построек. Но это далеко - на окраине возле свинокомплекса, откуда сильный ветер иногда доносит отчетливо неприятный запахок с тухлоййцевым привкусом сероводорода. Даже не представляю, как там люди живут.

Вид сельской муниципальной поликлиники на первый взгляд не очень-то радует. Слишком маленькая и явно требует ремонта. Причем не косметического даже, а капитального.

Михей паркуется на заднем дворе здания, огороженного простой сеткой-рябицей, и с неожиданной любезностью предупреждает:

- В регистратуре зовите сразу Анну Филимоновну. Не ошибётесь. Другая там совсем новенькая и копуша, каких поискать.

Его совет оказывается верным.

Пока Анна Филимоновна - дородная румяная женщина в очках, - быстро и споро оформляет моё заявление на прикрепление, молоденькая регистраторша возле неё отчаянно суетится, пытаясь обслужить очередь из недовольных пяти человек. И она то и дело поглядывает на часы.

- Да не мельтеши ты так! - говорит негромко опытная регистраторша в её сторону. - Наш новый главврач уж не монстр какой. Одобрит твою стажировку, будь уверена.

Я устало опираюсь на стойку регистрационного окошка, чтобы немного разгрузить правое плечо от тяжести своего малыша, и вдруг слышу имя, невольно заставившее меня вздрогнуть.

- Ох, ну не знаю, не знаю! Про Александра Леонидовича такие слухи ходят! - жалуется молоденькая стажёрка. - И характер у него точно не сахар... Иначе с чего бы его из города с теплого местечка в нашу глушь перевели?

- Простите... - севшим голосом обращаюсь я к Анне Филимоновне, и та вопросительно поднимает голову. - А вашего нового главного врача случайно не из городского роддома номер шесть перевели? Просто там тоже был один Александр Леонидович...

- Так это он и есть! - заинтересованно смотрит на меня женщина. - Хамовитов Александр Леонидович. Бывший заведующий родильного отделения роддома номер шесть. Ох, как хорошо! Так, стало быть, вы его знаете лично?

Я неприязненно морщусь.

- Можно сказать и так. Он принимал у меня роды... - и коротко киваю на своего Васю, взирающего на обрадованную женщину с простодушным младенческим любопытством.

Вся очередь молоденькой нерасторопной стажерки, включая ее саму, жадно скрещивает на мне шесть пар глаз, так и жаждущих сведений из первоисточника.

- Какая радость! - ахает девушка и умоляюще спрашивает: - И как он в жизни вообще по характеру, тяжелый или лег-

кий?.. Просто, понимаете.. Александр Леонидович на днях должен принять у нас должность, и мы все тут, как ужи на раскаленной сковородке в непонятках...

- За себя говори, - ворчливо поправляет ее Анна Филимоновна. - Я абсолютно спокойна, даже если нам назначат крокодила с дипломом. Спасибо бессменному стажу и опыту. Но узнать заранее, конечно, интересно...

Она протягивает мне бумаги на подпись и выжидающе щурится сквозь очки. Я размашисто расписываюсь и, тяжело вздохнув, сообщаю:

- Вы угадали. Главврачом вам назначили самого настоящего крокодила.

Глава 15. Дежавю

- И хорошо! - неожиданно одобряет эту новость Анна Филимоновна. - Наше учреждение как раз в крокодиле и нуждается. Предыдущее-то начальство как раз потому и смотало удочки, что не тянуло нагрузку и давление вышестоящей коллегии. Клевали его все, кому не лень. Так что если Александр Леонидович и сам хорошо кусаться умеет, то нашей поликлинике в этом прямая выгода. Глядишь, и новое оборудование наконец выбьет нам взамен устаревшего!

Судя по кислому выражению лица молоденькой стажёрки, та не вполне согласна с ней. Но возражать не осмеливается.

- Так... - старшая регистраторша несколько секунд шуршит бумагами, затем сообщает мне: - Ваше заявление на прикрепление должен заверить главврач. Вот как раз и обновите с ним старое знакомство. Когда он появится, я вам сразу наберу, чтобы время не терять.

- А нельзя ли нам пораньше уже как-то пообщаться с педиатром? - с надеждой спрашиваю я.

- От чего же нельзя... можно! - Анна Филимоновна кивает в сторону коридора. - По лестнице на второй этаж, в кабинет номер семь. Сегодня там очередей быть не должно, повезло вам.

Общение с педиатром - энергичной и молодой женщиной по имени Наталья, - складывается на удивление душевно.

Она меня не только не ругает за импульсивное поведение, но и даже хвалит материнскую сознательность, с которой я решила встать на учёт сразу же по приезду.

- С официальным визитом приду к вам только после резолюции главврача, - предостерегает она. - Так что время у вас будет. Приведите дом в порядок, чтобы чистенько было всё и безопасно для ребёночка.

Прощаемся мы с ней очень тепло, и я выхожу на улицу с чувством глубокого внутреннего удовлетворения. Даже ложка дёгтя по имени Александр Леонидович не может испортить мне прекрасное настроение.

- Наша жизнь обязательно наладится, Василёк, - тихонько шепчу я малышу на своих руках. - Мы с тобой на правильном пути! Всё будет хорошо.

- Ну как там, Дашуль?

Баба Люся выбирается из машины, держась за поясницу. После утренней уборки она у нее разболелась, и я еще тогда про себя решила, что к слишком напряженному физическому труду больше ее не подпущу.

- Всё отлично, можно ехать... - я осекаюсь, глядя на пустующее место водителя. - Правда, нам надо еще в отделение полиции заглянуть. А где Михей?

- Не знаю, ушел куда-то. А насчет полиции он передал, что не надо ничего. Его начальник-прохиндей скомандовал, говорит, отбой, - с удовлетворением констатирует баба Люся - Видать, осталось в его жирдяйской душе что-то челове-

ское, раз образумился он и пожалел молодую мамочку...

- Да кто ж знает, что у него в голове творится? - вздыхаю я. - Ладно, раз пока полиция отменяется, а возвращение откладывается, мы с Васей погуляем. Вон в том скверике.

Маленький облагороженный кусочек природы рядом с поликлиникой действительно так и манит заглянуть. Очень уж зелено он выглядит в это хмурое холодное время года - из-за красивых голубых елочек и одного-единственного высокого кедра с пышной кроной.

Минут десять мы прогуливаемся там, пока на очередном кругу я не чувствую, что напрасно проигнорировала посещение крошечной уборной в поликлинике. Просительно смотрю на бабушку.

- Подержи Васю. Я быстро, в туалет только сбегая.

- Да ты не торопись, иди спокойно, - она добродушно кивает на малыша: - Задремал вон уже снова.

Когда я перехожу дорогу от скверика обратно к поликлинике, меня на мгновение ошеломяет тревожное чувство дежавю. Как будто в этом сонном райцентре, где я в последний раз была только подростком, вдруг обнаружилось что-то знакомое. Из нынешней, давно уже взрослой жизни.

Всё из-за машины, которая медленно объезжает неказисто-серенькое здание сельской администрации чуть поодаль.

Лицо водителя с такого расстояния не разглядеть, однако внутри всё сжимается. Очень уж похоже на марку машины Князева. Тоже синего цвета...

О Господи! Неужели это он? Нашел меня, как и обещал...

Окаменев всем телом, я пристально вглядываюсь в ту сторону до рези в глазах. Именно в этот момент машина останавливается перед парадным входом администрации, и из нее выходит... какой-то толстяк. Живот у этого типа не такой выдающийся, конечно, как у хозяина свинофермы Рыкова, но все же солидный.

Однозначно не мой муж.

Я длинно выдыхаю, глядя на жирную спину неизвестного, скрывшегося в дверях, и чувствую, как мои ноги подрагивают от пережитого напряжения.

Это не он. Не мой Влад...

Хотя какой нафиг мой? Он чужой. Предатель, который растоптал нашу душевную близость и превратился в абсолютно постороннего человека. Стал банальным донором спермы, от которого я родила желанного ребенка, вот и всё.

И всё-таки слабость от странной смеси испуга и неадекватно-больной надежды увидеть красивое мужественное лицо Князева не даёт мне быстро придти в себя.

В смятении я нашариваю взглядом ближайшую скамейку, которых возле поликлиники всего две штуки, и тяжело опускаюсь на неё. На сиденье отломана в самом центре доска, и это причиняет дискомфорт, но мне сейчас всё равно. Так и сижу, уперевшись пустым взглядом в кончики своих серых ботинок-маломерок. Изо всех сил стараюсь взять себя в руки. Совсем нервная система разболталась в последнее вре-

мя. Да ещё и гормоны послеродовые шалят.

- Да-а-аша?.. - неуверенно тянет над моей головой смутно знакомый мужской голос.

Ну как, мужской... скорее высокогато - мальчишеский. И почти не изменившийся со времён подросткового периода.

Я поднимаю голову и вижу перед собой худощавого парня в интеллигентных очках в тонкой металлической оправе, как у программиста или прилежного интеллектуала. На аккуратно выбритом узком лице топорщится единственный клочок волос - модная маленькая бородка. Из-под низко надвинутой кепки мягко улыбаются большие зеленовато-карие глаза, всегда немного напоминавшие мне о телёнке.

Да, я его точно знаю.

Мальчик, который рос по соседству с бабушкиным домом, заметно возмужал и превратился в приятного молодого человека.

Глава 16. Хахаль-тайм

- Ну точно ты, Дашка! - говорит он уже гораздо увереннее.
- Какими судьбами в наших краях? Почти не изменилась, я гляжу. Девчонка девчонкой, только похорошела очень. Ты замужем?

Такой поток искренне воодушевленных вопросов невольно заставляет меня улыбнуться.

- Привет, Антон! Я тоже рада тебя видеть. Вот, приехала дом бабушкин в порядок приводить. Поживу какое-то время с сыном. Он совсем маленький у меня, тут неподалеку с родственницей гуляет.

- А... - Антон старается не показать разочарование, но его лицо можно читать, словно открытую книгу. - Так значит, ты всё-таки замужем?

- Да, замужем, - я пожимаю плечами и добавляю невесело:
- Пока что.

Густые рыжеватые брови Антона - под цвет его шевелюры, - заинтересовано приподнимаются. Угадать глубинный разводоподразумевающий смысл моего ответа несложно даже последнему тугодуму.

- Вот как. Я бы сказал, что сочувствую тебе, Даш... но это будет враньём. Знаешь, ты мне всегда безумно нравилась, - он криво, немного смущённо улыбается. - Ещё тогда, когда мы были детьми. Но всё духу никак не хватало признаться...

А сейчас, как тебя увидел такую красивую и грустную в одиночестве, что-то прям торкнуло. Такая ностальгия! Я ведь даже стихи тебе посвящал. Ты извини, если это всё с моей стороны кажется слишком навязчивым...

- Ничего страшного, - неловко отвечаю я. Неожиданное признание повзрослевшего приятеля из детства вызывает у меня лёгкую растерянность. - Это очень мило с твоей стороны.

Да уж. Он прям как снег на голову со своими запоздалыми признаниями свалился. Рассказать кому - не поверят.

Пару мгновений я напряжённо обдумываю, можно ли на эту тему пошутить, чтобы снизить уровень неловкости и при этом не задеть чувства молодого человека...

Но тут довольно сильным порывом ветра с дерева над нами срывает горстку бурых, мумифицированных от холода листьев. И несколько из них запутываются в моих волосах. Я почти сразу стряхиваю их с мимолетной досадой, но среди них оказывается маленькая веточка, которую никак не удаётся выпутать.

- Давай помогу! - Антон с готовностью тянет к моей голове руки, даже не дождавшись от меня хоть какого-то ответа. - Какие волосы у тебя красивые, Даш... такие мягкие, шелковистые... - он ловко начинает выпутывать злосчастную веточку.

От неожиданности я теряюсь и просто не мешаю ему. Сажу и смотрю на него снизу вверх. Он с таким энтузиазмом

помогает мне, что просто душа не лежит обижать его какой-нибудь резкой фразой насчёт распускания рук. Это всё равно, что отпихнуть ногой дружелюбного щенка сенбернара, который неистово виляет хвостом и норовит угодить.

- Ну вот и всё! - удовлетворённо объявляет Антон и аккуратно заправляет освобождённую прядь волос мне за ухо. При этом немного заискивающе заглядывает мне в глаза явно в ожидании одобрения.

Ну точно как щенок. Эх...

- Спасибо, - быстро отвечаю я и отворачиваюсь, собираясь встать со скамейки, чтобы поскорее выпутаться из неловкой ситуации.

И тут мой взгляд снова падает на ту же самую синюю машину, которая по прежнему стоит на парковке возле здания администрации.

Не знаю почему, но мне становится не по себе. Такое ощущение, как будто на меня оттуда кто-то смотрит - прямо-таки прожигает взглядом - давящим и пронзительным. Но обдумать эту мысль - ощущение мне не удаётся.

- Хм... - многозначительно произносит рядом насмешливый голос Михея, который умудрился незаметно вернуться. - Не успела поселиться в наших краях, как уже обрастаешь хахалями? А ты шустрая девочка, однако. Зацепить меньше, чем за сутки, сразу троих мужиков, это надо уметь... Я восхищён.

- Троих?.. - растеряннo повторяю я. - Не понимаю, о чём

вы говорите. Я никого не цепляла.

- Ну и наивный же ты мурзик, детка... Что ж, давай посчитаем, - Михей кивает на застывшего от недоумения Антона и выразительно начинает загибать пальцы. - Первый, конечно же, этот напوماженный очколоб. Обработан тобой качественно, судя по тому как он капает слюной в твою сторону. Второй - это мой босс, Харитон Анатольевич. Ну а третий... - он специально тянет паузу, придавая своим словам значительности, и наконец небрежно бросает: - ...это, допустим, я.

- Это что, шутка такая? - оторопело моргаю я. - Харитон Анатольевич уж точно во мне не заинтересован! Зачем вы его приплели?

- С того, что я хорошо его знаю, - вкрадчиво сообщает Михей. - И никогда не замечал, чтобы он резко менял свою политику в отношении баб без шкурного интереса в них... сама понимаешь, какого характера. Постельного.

- Послушайте, уважаемый! - вклинивается в его дикие рассуждения возмущённый голос Антона. - Что за бред вы несёте? Помешали нашей беседе, сыпете какими-то непонятными домыслами... Не видите, что ли, девушке общаться в таком тоне неприятно!

Михей снисходительно косится на него.

- Захлопнись, очколоб. Не с тобой разговариваю.

- Всё с вами понятно, - неожиданно твердо констатирует Антон и тянет меня за правую руку прочь. - Даш, пойдем отсюда, пока этот неадекват совсем с катушек не слетел. Он,

наверное, больной. Или наркоман.

По инерции я делаю шаг вслед за ним. Но тут же вспоминаю, что в плане транспорта сейчас полностью завишу от Михея, и притормаживаю. Одновременно с этим последний делает шаг вперед и хватает меня за левую свободную руку.

- Стоять, мурзик. Мне было приказано доставить тебя туда и обратно... и я это сделаю.

Ситуация становится какой-то двусмысленной. С одной стороны, она досадная, а с другой - комичная. Потому что Антон и Михей вцепились в мои руки с разных сторон и сейчас чертовски напоминают двух великовозрастных мальчишек, которые решили вдруг поиграть в перетягивание каната.

- Так... - я легонько кручу запястьями и высвобождаю их. - Во-первых, я вам не собака, чтобы давать мне команду «стоять». А во-вторых... Антон, спасибо за участие... но этот человек доставил меня в поликлинику на машине и отвезёт сейчас обратно в дом бабушки.

- Но он ведёт себя по-хамски, Даш! - хмурится приятель. - Может, тебе просто немного подождать до вечера, и мы поедem в Гадюкино вместе на рейсовом автобусе..?

Я даже обдумать ответ а этот вопрос не успеваю. - слишком быстро активизируется Михей.

- Слышь, ботан, ты меня достал, - утомленно заявляет он. - Давай сделаем проще.

И я ошеломленно чувствую, как меня резко перехватыва-

ют за талию и под коленями. Глазом моргнуть не успеваю, как оказываюсь висящей на его плече вниз головой, словно доисторическая самка какого-нибудь обезьяноподобного питекантропа.

В несколько широких шагов Михей стремительно пересекает пространство до своей машины, распахивает заднюю дверцу и не слишком деликатно сгружает меня на сиденье.

- Эй, мужик, ты как с девушкой обращаешься? - слышится позади негодующий голос Антона. Кажется он спешит за нами следом, собираясь вмешаться в стремительно нарастающий конфликт.

Словно не слыша его, Михей молча блокирует дверцу, а затем с собранным расчётливым движением разворачивается и без особого размаха, но довольно зрелищно впечатывает кулак ему прямо в живот.

Раздается сдавленное хеканье.

- Антон! - ахаю я, в шоке прижав руки ко рту.

Неожиданная агрессия Михея словно парализует меня и превращает внятные мысли в какую-то кашу. Теперь понятно, что чувствует маленькая слабая косуля, с которой вдруг решил поиграть леопард.

- Ещё вопросы есть? - издевательски спрашивает подвергнутого противника Михей и сам же себе отвечает: - Вопросов больше нет. Отдыхай, герой.

Он запрыгивает на водительское сиденье. Машина буквально с полоборота срывается с места, и от рывка меня с

силой откидывает назад, плотно впечатав в спинку сиденья.

Способность думать возвращается только через несколько секунд, и первым делом я вспоминаю о своем малыше, который в данный момент спит у бабы Люси на руках в маленьком скверике.

Как же так?! Михей уехал из райцентра и совершенно забыл о том, что у меня там остался маленький ребенок с бабушкой!

Паника и страх за родных накрывает с головой.

- Останови машину! - кричу я пронзительно и с силой, удвоенной от встревоженного материнского инстинкта, принимаюсь трясти спинку водительского кресла. - Останови машину немедленно, сволочь, или я выпрыгну!

Глава 17. Похоть агрессора

К этому моменту мы уже вылетаем с единственной главной дороги райцентра на развилку, ведущую в сторону Гадюкино.

- Не истери, - цедит сквозь зубы Михей, недовольно трясущийся моими стараниями в кресле. - Ща остановлю. Просто забыл на эмоциях про твой прицеп... Бывает.

От возмущения меня буквально разрывает на части. Гнев вперемешку со страхом так и клокочет внутри, словно кипяток в переполненном чайнике.

- Бывает?! Да ты псих! Что на тебя нашло вообще? Налетел... наговорил какой-то чуши... да ещё и моего знакомого избил. Какая муха тебя вообще укусила?!

Мимо продолжает мелькать сосново-берёзовая лесополоса, но всё медленнее и медленнее.

Наконец Михей притормаживает на обочине, так и не ответив на мой вопрос. Я встречаюсь в зеркале заднего вида с ним взглядом. Смотрит он на меня как-то странно. То ли с насмешливой досадой, то ли с раздражённой задумчивостью.

- Разворачивайся, - требую я.

Михей кривит свои чувственные цыганские губы. Затем внезапно дёргает ручку дверцы и выходит, нашаривая что-то у себя в кармане.

- Ты куда? - растерянно спрашиваю я.

Вижу, как он вытаскивает из кармана пачку сигарет и прислоняется к капоту машины.

- У меня перекур, - он щёлкает зажигалкой - Нервишки надо успокоить. Разыгрались что-то. Ты же не хочешь, чтобы за рулём сидел водитель с шаловливыми нервишками... да, мурзик?

Я хмуро молчу в ответ.

Курит Михей долго и со вкусом. Не выдержав, я выбираюсь из машины и настороженно останавливаюсь. Он искоса смотрит на меня из-под жгуче-черных густых ресниц, и я ловлю себя на мысли, что своей внешностью и бурным темпераментом этот мужчина напоминает мне персонажа какой-то итальянской мелодрамы. Про Казанову или кого-то в этом роде.

- Когда ты смотришь так испуганно, то похожа на маленькую девочку, - зачем-то сообщает он, лениво растягивая слова. - Так и хочется обогреть и успокоить... Кстати, что за тип лапал тебя за волосы возле поликлиники? Ты с ним спишь?

От изумления таким наглым вопросом у меня приоткрывается рот.

- Это не твоё дело! Когда мы уже поедem обратно?

- Не торопись. Никто твоего спиногрыза не украдет, - Михей щелчком отправляет окурок в грязную лужу возле переднего колеса машины и разворачивается всем корпусом ко мне. - Давай лучше поговорим о тебе.

Я встревоженным эхом повторяю:

- Обо мне?..

- Ага.

С лёгким беспокойством наблюдаю, как Михей делает ко мне длинный скользящий шаг - точь-в-точь голодный хищник, подкрадывающийся к своей добыче.

- У меня нет ни малейшего желания развивать эту тему, - я делаю настороженный шажок назад. От нехорошего предчувствия по спине ползут холодные мурашки. Кто знает, что у этого агрессивного типа на уме... - Если вы не собираетесь возвращать меня к моему ребёнку и бабушке... то я пойду пешком. До свидания!

Быстро разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и устремляюсь в сторону райцентра прямо по дороге. Но дойти успеваю только до багажника машины... потому что Михей гибко-змеиным движением преграждает мне путь к отступлению.

- Притормози-ка, мурзик. Ты меня не дослушала, так что мы с тобой ещё не закончили. А чтобы легче было сосредоточиться на ушках, а не ножках, я тебе помогу...

К моему вторичному шоку, Михей наглым фамильярным рывком усаживает меня на багажник. Я активно дергаю ногами, намереваясь сразу же прыгнуть обратно на землю, но он сдавливает мои колени руками и вклинивается между них всем корпусом.

И его расчёт оказывается верным. Из этой ловушки мож-

но освободиться, только если оттолкнуть Михея в сторону - чего он, разумеется, сделать мне не даёт.

- А теперь послушай меня... - зловеще требовательный шёпот обжигает ухо горячим дыханием, но от него становится только холодно и страшно. - Мне редко нравятся бабы по-настоящему. Дико раздражают уже после пяти минут общения. Почти все... но не ты. Ты мне интересна. И потому я предлагаю тебе... пока что по-хорошему... подарить всё своё внимание мне. И забыть о любых других мужиках. До тех пор, пока ты мне не надоешь, естественно. Со своей стороны железно обещаю, что баблишком тебя не обижу... Что на это скажешь?

Повисает неприятно напряженная пауза.

- Скажу... иди к черту! - с чувством отвечаю ему, глядя в наглые шальные глаза с поволокой похоти в глубине.

- Вот как, - ничуть не обижается Михей и с нехорошей усмешкой интересуется: - А если я сделаю вот так..?

Наглые жёсткие губы в обрамлении колкой щетины перекрывают дыхание глубоким насильственным поцелуем. И неприятие постороннего мужчины, которого я знать не знаю - и, что важнее всего, не хочу, - включает инстинкты раньше, чем я успеваю осмыслить происходящее. Обеими руками с силой дергаю его за волосы так, что часть его скальпа приподнимается чуть ли не на полсантиметра. А когда насильник, отпрянув на шаг назад, звучно шипит от боли... мое колено целеустремленно догоняет его ширинку.

Своевременное отступление Михея ослабляет этот членовредительский пинок, но мужскому чувству гордости явно не здоровится. Зато, к моему ужасу, сопротивление заводит его не на шутку.

- С-сучка строптивая! - возбуждённо выдыхает он и наваливается на меня всем телом так, что я падаю спиной на багажник. - С-сладкая... девочка, блядь, припевочка..!

Он снова впивается в мои губы, бешено работая языком и буквально ввинчиваясь им в глубину моего рта. Я крепко сжимаю зубы и чувствую противный солоноватый привкус одновременно с руганью отпрянувшего Михея.

Фу-у... кажется, прокусила!

Визг тормозов бь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.